

ЮРИЙ СОКОЛОВ

**СОЛНЦА
ТРЕХ МИРОВ**

16+

Хроники хаоса

Юрий Соколов
Солнца трех миров

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Соколов Ю.

Солнца трех миров / Ю. Соколов — «ЛитРес: Самиздат»,
2018 — (Хроники хаоса)

Что может быть общего у охотника-любителя, трех рыбаков, двух студенток и деревенской алкоголички? Поначалу лишь то, что все они оказались на лесном проселке, с которого открылся проход в другой мир. Однако вскоре у них будет общим все – еда, жилье, враги и цели. Для начала им необходимо выжить. Потом – вернуться на Землю, чтобы предупредить людей о надвигающейся катастрофе. И, конечно, чтобы просто вернуться. Только сделать это нелегко – по дороге домой компания вынужденных странников попадает в следующий мир. И в следующий...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	25
Глава 5	32
Глава 6	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Глава 1

Я не успел понять, куда делась дорога из-под колес уазика. Только что она была, а потом исчезла, и моя машина с разгону въехала в кусты. Хорошо, что скорость я держал небольшую и в них застрял. Потому что прямо за кустами стояло дерево – да не какое-нибудь, а как раз по ширине машины. Со света глаза в темноте видели плохо, но толщину ствола я смог оценить, как и возможные последствия столкновения с ним. Двигатель заглох, всхлипнув напоследок столь горестно, что мне стало его невыносимо жалко. Радио подавилось прогнозом погоды и вырубилось тоже.

Минуты две я сидел не шевелясь, постепенно приходя в себя и отлаживая сцепление собственного сознания с действительностью. Подумал было, что заснул за рулем, однако от Ивановки до шоссе шел проселок с такой колеей, что и засни я, машина из нее никуда не делась бы. Но самое главное, когда я ехал, еще не начинало вечереть. А теперь вокруг стоял почти полный мрак – долго же мне пришлось бы спать. И дерево это, почти два метра в поперечнике, никак не вписывалось в мои представления об окружающих Ивановку чахлах березняках и осинниках, которые я знал с детства и облазил вдоль и поперек.

Опустив стекло, я высунул руку, пытаюсь определить, смогу ли открыть дверцу. Тут же уколол ладонь, да еще и обжег, из чего следовало, что кусты колючие и с крапивой. Что-то снаружи было не так, но мне расхотелось продолжать изучение обстановки вслепую. Решив не рисковать, достал из бардачка фонарик, опустил спинку сиденья, перелез назад и выбрался через правую заднюю дверь.

Снаружи действительно было не так. Там оказалось жарко. Даже слишком. Как будто мне остального не хватало.

Нет, понятно, что конец сентября – не январь, но конец сентября на улице, очевидно, в последний раз был тогда, когда машина еще двигалась. А сейчас температура и влажность соответствовали июльскому пеклу после хорошего дождя. Только в темноте.

Посветив фонариком вокруг, я обнаружил, что дерево за кустами было в окружающем лесу не гигантом, а карликом. Справа луч осветил ствол вдвое толще. Слева... Дерево, стоявшее слева, было настолько огромным, что я засомневался, а дерево ли это. Толщиной метров двенадцать примерно. Или пятнадцать.

Закрыв глаза, я постоял минутку и направился к машине. Спокойно, Серега, спокойно. Если это кошмар, то интересный. Если сумасшествие – оно тоже интересное. А если не кошмар и не сумасшествие, то тебе лучше иметь в руках оружие. Ну, так, на всякий случай.

Открыв багажник, я вытащил из него свою «Сайгу-Тактику» и сменил ей магазин. Стоял на пять патронов с дробью на зайцев – самых страшных зверей в окрестностях Ивановки. А теперь я поставил на десять, с картечью. Я не фанатик самообороны и на крупную дичь не хожу. Но когда выезжаю на охоту, магазин такой всегда имею при себе после одного памятного эпизода.

Загнав патрон в ствол, я осмотрел кусты. Они оказались без листьев, были усажены шипами длиной в палец, и жглись в них вовсе не стебли крапивы промеж ветками – сами ветки.

– Ладно, посмотрим, какие тут еще есть достопримечательности, – сказал я вслух, стараясь себя приободрить. После чего залез в машину и попробовал включить фары.

Они зажглись не сразу – но зажглись. Это хорошо: машину точно не потеряю. Проверил на всякий случай радио, однако повсюду в эфире царил равномерный однообразный шум, словно террористы взорвали все радиостанции.

Обогнув заросли глущей колючки, я отправился на разведку. Под ботинками пружинил толстый слой палой листвы, душный воздух пах гнилью. Дальше по лесу стояли все те же деревья-гиганты, и вскоре мне пришлось признать, что свисающие с них к земле веревки – это

лианы. Споткнувшись о корягу, пошел осторожнее, светя себе фонариком под ноги. Вскоре нехорошее чувство в животе заставило меня еще сбавить скорость – и очень вовремя. Я не сразу понял, что там такое впереди, а когда понял, остановился.

Впереди была пустота.

Очень осторожно я выбрался к обрыву, стараясь не заходить на самый край. Подняв руку над головой, посветил вниз, но ничего не увидел. Посветил вверх – тоже ничего не увидел. Звезд на небе не наблюдалось. То ли оно было сплошь в тучах, то ли за обрывом мир моего кошмара кончался совсем.

– Но есть же и хорошие новости, – сказал я себе. – По крайней мере вовремя врубился в кусты и не съехал в эту пропасть.

Вспомнив про сотовый телефон, достал его – связь, как и ожидалось, отсутствовала. А имплант¹ я удалил еще три года назад, как только их запретили. Захотел быть законопослушным – ну вот и получи теперь... Впрочем, окажись имплант на месте, я уже знал, что он выдал бы. Уведомление, что доступа к Интернету нет.

И тут мне пришла мысль глянуть местность позади машины. Если я сюда как-то попал, вдруг можно и обратно?.. Вдруг там делов только – назад сдать?..

Опрометью бросившись прочь от обрыва, я принялся рассматривать следы колес уазика. Они тянулись от багажника шагов на сорок, а дальше примятая трава кончалась и стояли стеной какие-то здоровые лопухи. Я прошел дальше, раздвигая и ломая их, покрутился на месте, а затем начал пригибать и вытаптывать все вокруг. Не знаю, что я хотел обнаружить. Дыру в наш мир, сквозь которую сюда проехал? Но дыра, если и существовала, оказалась односторонней и назад меня не пропустила. Я все ходил и ходил, расширяя круги, но без толку.

Внезапно на меня навалилась страшная усталость. Может, это была защитная реакция организма на стресс. Во всяком случае, она оказалась кстати. Лучше подождать до утра и во всем разобраться посветлу. Если здесь утро есть.

Вернувшись к машине, я выключил фары и завалился на заднее сиденье, стараясь не думать о том, где оказался. Решил же – утром разберусь. Где бы ни оказался – положение мое неплохое: не голым же выбросило на берег после кораблекрушения. Есть карабин с полусотней патронов, охотничий нож, топорик; недоодевшая за выходные банка тушенки и два подстреленных зайца. В багажнике лежит купленный у деда Федора мешок картошки. А здесь, в салоне – подаренная им же бутылка самогонки. Одежда не по климату, так ведь жарко – не холодно. Есть котелок, чашка, ложка, фляжка; куча полезных вещей в машине и она сама. Первое время прожить можно. А сейчас нужно поспать.

Не сразу, однако я начал подремывать. Разные вредные мыслишки крутились в голове несмотря на строгий запрет. И я б удивился, будь оно по-другому, – в такой-то ситуации! В салоне стало душно, а заводить двигатель и включать кондиционер я не хотел. Куртку сразу снял, свитер – тоже, оставшись в одной рубашке, но раздеваться дальше и, тем более, раздеваться, не рискнул. Мало ли что...

Шаг за шагом ко мне подкрадывался настоящий сон. Однако заснуть как следует так и не удалось. Снаружи послышался гул, через заднее стекло сверкнуло, и что-то тяжелое с хрустом врубилось в багажник моей машины. Я раскорячился между спинками сидений, удерживая себя на месте, выскочил наружу с карабином наперевес и фонариком в зубах и обнаружил, что больше не один. За рулем приласкавшей уазик «Шевроле-Нивы» сидела девушка, а рядом – вторая.

– Ой! – сказала та, что рулила, опустив стекло и выглядывая наружу. – Приехали.

Ее соседка, сидя в салоне, только жмурилась на свет моего фонарика.

¹ Вживляемый в мозг компьютерный имплантат.

Не знаю почему, но у меня словно Гималайский хребет с плеч свалился. Нет, правда – симпатичные такие девчонки, одна светленькая, а другая черненькая, но главное, что обе свои в доску, наши, родные!.. Вот не подумал бы никогда, что можно так соскучиться по соотечественникам за два часа в ночных джунглях.

Опустив карабин, я вытащил изо рта фонарик и сказал:

– Ну что ж вы так, дорогие дамы? Надо притормаживать перед светоторами.

Справедливо оценив меня как существо хоть и вооруженное, но безобидное, светленькая собралась с духом, отцепила ремень безопасности и решительно выбралась из машины. Снаружи я рассмотрел, что волосы у нее солнечно-рыжие, а лицо вокруг вздернутого носика усыпано веснушками.

– А почему темно? – спросила она.

– Потому, что ночь, – ответил я.

– Но ведь был еще вечер!

– Когда я по проселку ехал, вообще был день.

– А где мы? И кто вы? Что происходит?

Разговаривая со мной, рыжая беспокойно озиралась по сторонам и помаленьку начинала дрожать.

– Вытаскивайте подружку из машины, – сказал я. – Постараюсь вам все рассказать. Что сам знаю. Только спокойно, ладно? И к кустам не подходите – они страшно колются и жгутся.

На мое счастье обе девушки оказались с крепкими нервами. Объяснялись мы долго, но истерик не было. Я снова включил фары, поволил вновь прибывших по лесу, и мы присели на корень дерева – того, что стояло за кустами. В трех метрах от ствола высота корня над землей была как раз с хорошую скамейку.

Рыжую звали Даша, она училась в городе на экономиста. Черненькая Таня оказалась студенткой пединститута. Подруги ездили на выходные в гости к Дашиной бабушке в Озерное – крохотную деревеньку в пяти километрах за Ивановкой. В городе жили в одной и той же девятиэтажке на улице Новоселов, совсем рядом со мной.

– А у меня квартира на проспекте Строителей, – сказал я. – У самого перекрестка с Новоселами дом, там супермаркет внизу еще.

– Лучше бы мы врезались в тебя на нашем общем перекрестке, – сказала Даша. – Вот что теперь делать?

– Ждать утра, – сказал я. – В темноте все равно не пойдем, куда попали.

– Помню, читала в газете, – начала Таня. – Не знаю, правда или нет. Вроде был такой случай где-то в Европе: шел человек по улице и – р-раз! – он уже на улице другого города. Начал расспрашивать прохожих – они его не понимают. Потом оказалось, что он в Бразилию попал.

– Повезло ему, – сказал я. – Хоть в городе очутился, а не в джунглях какого-нибудь Гондураса.

– Да-а, – протянула Таня. – Но лучше уж Гондурас, чем Сахара.

– Это как поглядеть, – не согласился я. – В плане выживания джунгли еще хуже пустыни.

– Вряд ли мы в Гондурасе, – задумчиво сказала Даша. – Я раньше экологом мечтала стать, хотела путешествовать, все читала про разные страны... Но что-то не припомню, где на Земле такие леса.

– Давайте отдохнем, – предложил я. – Надо поспать.

– Я не усну, – сказала Таня.

– Хоть попробуй. Вдруг получится. А всю ночь на этом корне сидеть – никакого толку.

– Пошли, что ли, в машину? – повернулась к Тане Даша. – Разместимся как-нибудь.

– Не стоит, – сказал я. – Вдруг еще кто сюда приедет. И хорошо, если у него «Ока» будет, а не груженный КамАЗ с прицепом. Надо, кстати, машины в сторону отогнать.

- А если КамАЗ приедет как раз туда, куда мы их отгоним? – спросила Даша.
- А мы еще вытащим на всякий случай все из машин.
- Тогда сразу вытащим, – решила Даша. – У нас там банки.

Бабушка Даши, провожая внучку с подружкой в город, нагрузила две объемистые сумки вареньями, соленьями, домашним хлебом и овощами в полиэтиленовых пакетах. Я оттащил весьма ценные в нашем положении припасы шагов на пятьдесят в сторону и осмотрелся. Еще дальше между деревьями начинались могучие заросли жгучей колючки, непроходимые для людей, зверей и любой техники, включая танки «Амата» и трактора «Катерпиллер». Если мне удастся прорубить в этих адских кустах туннель с нишей на конце, ни одна сволочь там до нас не доберется. А нарубленными ветками как раз вход закроем и спокойно выпьемся. Я отправился к своей машине за топориком, но взять его не успел.

Раздалось гудение двигателя, блеснули фары, и вынырнувший из пустоты здоровенный «Хаммер» крепко приложил «Шевроле-Ниву» мощным передним кенгурятником. Впрочем, в момент удара внедорожник уже тормозил. Да и ехал он не слишком быстро. Как и мы до него. На Ивановском проселке шибко не разгонишься.

Двигатель «Хаммера» заглох, фары погасли, шофер вылез наружу.

– Вот это вот что за фигня? – спросил он.

Пассажир спереди тоже вылез и сказал:

– Да мы когда с тобой ездим, обязательно случается какая-нибудь фигня.

– А когда с тобой – что, никакой фигни не бывает? – обиделся шофер.

– Вовремя мы вытащили банки! – порадовалась Даша.

– Жаль, машины отогнать не успели, – сказала Таня. Причем тоже радостно.

Обе были в восторге – как и я в момент их прибытия. Еще свои!..

– А вы кто такие? – спросил шофер начальственным тоном, обойдя «Хаммер» и встав рядом с пассажиром.

– Владельцы машин впереди вас, – ответил я за всех.

Шофер набрал в грудь воздуха, явно собираясь продолжить допрос, но в этот момент открылась задняя дверца и из «Хаммера» вылез второй пассажир.

– Я ничего интересного не пропустил? – осведомился он.

– Ты пропустишь, как же, – буркнул шофер.

– Сколько раз я зарекался пить с Лысым, – сказал первый пассажир. – Вот каждый раз, как мы с тобой пьем, Лысый, какая-нибудь фигня выходит.

– Да мы сегодня даже не похмелялись, – возразил Лысый.

– Ага, особенно ты... Нет, ну мы-то с Васей сегодня не пили, но зато вчера... Вчера мы пили, и пили с тобой, а раз вчера ничего плохого не случилось, все неприятности переехали на сегодня. Вот посмотри вокруг и скажи: где дорога?

– Откуда я знаю, я в салоне сидел!

– А мы что, рядом с машиной бежали?

– Да я вообще спал! Вон люди стоят, у них и спроси, где дорога!

– Давайте знакомиться, что ли, мужики, – сказал я. – Только машину сперва отведите в сторону, а то сейчас вам в зад еще кто-нибудь врубится. А потом фары включите – сами увидите всю фигню.

Мы выбрали сравнительно чистое место возле самого большого дерева, глянули, не валяются ли там в траве коряги, и одну за другой отвели туда машины. Шофер «Хаммера» включил не только фары, но и фонари на крыше, и разговорчивости у мужиков сразу поубавилось. Они дружно помчались на то место, где их машина въехала в джунгли, в надежде найти дыру обратно. Я сказал: «Бесполезно», – однако они поверили мне только спустя полчаса, окончательно вытоптав все лопухи и папоротники в радиусе сотни метров. После чего мы выбрали два удобных корня и уселись напротив друг друга.

Невысокого ростом шофера с бычьей шеей и заметным пузиком звали Вася – он работал в полиции. Длинный тощий Валера – пассажир с переднего сиденья – имел в городе свой торговый бизнес. Обоим было лет по тридцать пять, а Жене с заднего сиденья, которого они называли Лысым, – далеко за сорок. Этот был среднего роста, атлетического сложения, и не так уж лыс; он занимался авторемонтом в собственном гараже, вел секцию по рукопашному бою, а в свободное от зарабатывания денег время писал картины. Все трое регулярно ездили рыбачить на старицы в Озерное, и сейчас возвращались оттуда.

– Жена с ума сойдет, – сказал Вася. – Если не сумеем выбраться отсюда сегодня, домой мне вообще лучше не показываться.

– Она у него жуть какая ревнивая, – доверительно сообщил мне Лысый. – В Озерное его отпускает только потому, что там была и не видела ни одной бабы моложе восьмидесяти. А знала бы, что туда приезжают такие девушки, как Таня с Дашей, она бы Васю в ванной утопила.

– Хорошо, что у меня жены нет, – сказал Валера. – Магазин и ларьки без меня неделю проживут спокойно. А потом... За неделю, поди, выберемся?

Таня со вздохом поведала нам, что предки уже завтра объявят ее во всероссийский розыск. Мы с Дашей промолчали – ее родители погибли, когда ей только-только исполнилось восемнадцать, а у меня с моими были такие отношения, что пропади я насовсем, никто из них не заплачет.

– Куда мы хоть попали-то? – спросил Валера. – Есть идеи?

– Нет идей, – ответил я. – Может, утром появятся.

– У нас палатка с собой, – сказал Вася. – Четырехместная. Впятером свободно можно лечь. А один караулить будет.

– Нормально. Давайте поставим.

Только мы с этим закончили, как из колючих кустов, помятых моим уазиком, послышалась густая матерщина.

– Вроде не приезжал никто? – удивился Вася.

– Значит, пешком пришел, – заключил Лысый.

– Однозначно пешком, – пробормотал я, вслушиваясь в насыщенный нестандартными оборотами монолог.

Ругались отчаянно, виртуозно, пропитым женским голосом, похожим на мужской. Ошибиться с опознанием было невозможно: только один человек в мире мог при случае пристраивать маты друг за другом так, что между ними не оставалось места даже для служебных частей речи.

– Это Машка Ситуация из Ивановки, – сказал я.

– Надо ее вытащить оттуда, пока насмерть не искололась, – забеспокоился Валера. – Она же там помрет, в кустах этих.

– Скорей кусты на корню засохнут, – возразил я.

Однако мы поспешили на помощь. Да зря. Машка нас опередила и выдралась из колючки самостоятельно. И, конечно, увидев нашу компанию, первым делом поинтересовалась, что это за долбаная колючая пакость, откуда она, мать ее перемать, взялась, что это за грёбанный-разгрёбанный лес и где гребучая-разгребучая дорога.

– Привет, тетя Маша, – сказал я. – Ты внезапно попала в культурное общество, так что уймись и оцивилизуйся.

– Сережка! – расцвела Ситуация, потирая обожженные и уколотые места. – Да разве ж я не цивилизованная?

– Самая-самая, – заверил ее я. – Вот я и хочу, чтоб ты об этом вспомнила.

– Я от Косого шла, с его пасеки, – сказала Машка. – Клянусь, трезвая! А тут на дороге эта... эти... Ну ты понял?

– Кусты, – подсказал я.

– Да! – обрадовалась Машка. – И они меня окружили! По дороге ведь шла, а оказалась прям посреди этих...

– ...кустов, – помог я ей опять, пресекая вероятный поток мощных и красочных метафор.

– Точно! – подтвердила Машка. – Хочешь верь, хочешь нет, а так и было. Представляешь себе ситуацию?

– Очень хорошо, – пробормотал я поежившись. – Всей душой тебе сочувствую, поверь. Да только ты успокойся, мы все примерно такую же ситуацию прошли. Точней, мы в нее въехали. В машинах.

Усадив Машку на корень, мы подробно расспросили ее о попадании с проселка в джунгли. Сильнейший самогонный дух, исходящий от рассказчицы, опровергал Машкины слова о том, что она трезвая, но и сильно пьяной она не выглядела. Дело было так: отправившись после обеда на пасеку Косого за самогонкой, Машка попутно набрала целый рюкзак опят, обменяла их Косому на выпивку и пошла обратно, собирая грибы уже для себя. Первые же два гнилых пня обеспечили ей такой полезный груз, что она решила обмыть добычу, вздремнула под кустом до темноты, а выйдя на проселок, в лес больше не сворачивала. За три километра до Ивановки дорога испарилась у Машки из-под ног, а вместо нее повсюду вокруг возникли эти грёбаные кусты; и такая ситуация, слышь, Сережка, может разве во сне присниться после месячного запоя натошак!

– Ну да, мы тоже примерно три километра от Ивановки отъехали, – сказала Таня. – Правда, Даш?

– И мы, – подтвердил Вася.

– Ясно, что Машка попала в ту же самую дыру, только пешком и с другой стороны, – сказал я. – Тут и гадать нечего.

– А что если в ту сторону дыра проходима? – спросил Валера. – Я имею в виду – обратно домой?

Васю и Лысого такое предположение необычайно взбудоражило. Они подбежали к «Хаммеру», открыли багажник, один схватил топор, второй – мачете. Валера подбежал следом за ними и, за неимением другого рубящего инструмента, вооружился лопатой. Расчистка территории от жгучих кустов оказалась трудом нелегким, и вскоре все трое выражались вслух так круто и замысловато, что могли бы составить конкуренцию Машке Ситуации. Таня с Дашей тоже возбудились и помогли мужикам, оттаскивая срубленные ветки в сторону, только действовали молча. Машка, в памяти которой первая схватка с кустами все еще была слишком свежа, с места не стронулась. Я тоже остался сидеть на корне, сохраняя пессимизм. И оказался прав: единственным результатом мученического труда по уничтожению колючки оказался найденный в ней рюкзак Машки, полный опят. Однако совсем бесполезной проделанная работа не оказалась: когда все успокоились, мы устроили из нарубленных веток надежную изгородь вокруг палатки, оставив свободным только пятачок перед входом, где должен был сидеть часовой.

– Подежурю первым, – сказал Вася. – Все равно сейчас не усну.

– Оружие есть? – спросил я.

– «Вепрь-Молот», двенадцатый калибр. Но мы все патроны расстреляли по бутылкам.

Я вручил ему «Сайгу».

– Вот, возьми. Ничем не хуже.

Валера покосился на занятую осмотром ближайших джунглей Машку.

– Если она залезет в палатку, мы задохнемся от ее перегара, – прошептал он Лысому.

– Я – нет, – ответил Лысый.

– Ну ты-то!.. А я – да!

– Очень нужна мне ваша палатка, – сказала Машка, расшифровав их перешептывание за пятьдесят шагов.

Она подошла к своему рюкзаку, вытащила из бокового кармана большой кусок толстого полиэтилена, постелила его на земле и улеглась на одну половину, укрывшись другой.

– А ведь правда, свежеет, – сказала Таня, посмотрев на Машку.

Она, как и все мы, разделась до футболки, но теперь зябко повела плечами и натянула свитерок. Я тоже почувствовал, что со стороны обрыва отчетливо тянет холодным сквозняком.

– Ничего, в палатке не замерзнем, – сказала Даша. – Да и одежда у нас все же на сибирскую осень.

Ночь я проспал неожиданно спокойно, хоть и с перерывом: дежурил вторым. Крепче меня дрыхла только Машка Ситуация. Лысого непривычное окружение тоже не особо волновало, а остальные беспрестанно ворочались, вставали, опять ложились и окончательно поднялись еще перед рассветом.

Когда начало светать, мы первым делом как следует огляделись, и у нас появился повод испугаться по-настоящему. Окружающий лес был настолько не похож на все, что мы видели в своей жизни в природе и по телевизору, что в душу заползала жуть.

Деревья-гиганты при ближайшем рассмотрении оказались чем-то вроде колоний древовидных растений, сросшихся внизу стволами. На высоте десяти, двадцати, а то и тридцати метров стволы разделялись, но не расходились в стороны, подобно ветвям настоящих деревьев, а продолжали расти вертикально вверх, оканчиваясь пучками перистых листьев. Обычные деревья в лесу тоже были – и с гладкой корой, и покрытые ромбической чешуей, и усаженные длинными шипами. Огромные древовидные папоротники соперничали по высоте с похожими на бамбук растениями до метра толщиной. И все это оплетали лианы: просто круглые, витые как веревки, ребристые или с колючками.

– Ну что, пойдете солнышко встречать, – сказал я, и мы направились к обрыву.

Он оказался метров триста высотой и тянулся вправо и влево так далеко, как видел глаз. Внизу расстилались джунгли, похожие на море застывшей зеленой пены, и эта пена дымилась легким туманом. Под обрывом мы рассмотрели каменные осыпи, из которых торчали сухие коряги.

– Здесь не раз бывали обвалы, – сказал Вася. – Надо бы потом машины подальше от края отвести.

Ночью небо закрывали тучи, но теперь они дружно отходили на запад, словно теснимые рассветом. Мы ждали, наблюдая, как над горизонтом разгорается мрачная багровая заря. Потом появилось солнце – маленькое, голубое и тусклое. А рядом с ним встало второе – огромное, тоже тусклое, тяжелого кровавого цвета.

Глава 2

Вернувшись в лагерь, мы расселись на земле возле палатки в самом хмуром расположении духа. Если ночью у кого-то еще теплилась надежда, что он оказался всего лишь в Гондурасе, то местный восход не оставил ей шансов на жизнь. Вася совсем приуныл. Рыжая Даша растеряла всю свою решительность, и ее задорный носик выглядел грустно.

– Другая планета? – жалобно пробормотала Таня. – Но это же невероятно!

– Дыра в пространстве для перехода хоть куда – это уже невероятно, – рассудительно заметил Валера. – Однако мы в нее попали.

– Нихрена себе ситуация, – вздохнула Машка.

– Радио здесь ничего не ловит, – сказал я. – Может, импланты чего поймали бы? Скажите честно – оставил кто имплант после выхода закона?

Лысый, Валера и Даша по очереди ответили «нет». Вася отрицательно помотал головой. Таня сказала, что она себе в мозг изначально ничего не ставила и большая противница таких вещей. Машка промолчала – должно быть, она вообще не знала, что такое импланты. Сомнения у меня вызывал один только Вася. В народе говорили, что полицейским, фэ-эс-бэшникам и много кому еще импланты оставили. Но как это проверить, особенно нам и особенно здесь? Разве что Васю пытаться или вскрыть ему черепушку.

А Таня... Таня среагировала на мой вопрос интересно, очень интересно. Или ее в свое время до смерти напугала участь либеров, которые снимать импланты принципиально отказались, или...

– Ладно, пока будем считать планету дикой и нецивилизованной, – вздохнул я. – Тем более, что она скорей всего такая и есть.

– За ночь больше никто не приехал и не пришел, – сказал Лысый.

– У нас там тоже ночь наступала, – отозвался Вася. – Мы уже во сколько ехали? Вот то-то.

– Но сейчас там утро, – сказал я, посмотрев на часы. – И это утро понедельника. Скоро в Ивановку вахтовка из Промышленного за трудягами пойдет. А из Ивановки Вовка Степанов потащится в город на работу на своем драндулете. И еще кто-то в город ездит, не помню... Чуть позже поедет школьный автобус в Промышленное. Если дыра на месте, все они вляпаются в нее и попадут сюда.

– Подождем, – сказал Лысый.

– Только давайте ждать с пользой, – предложил я. – Вася правильно сказал: надо обратиться подальше от обрыва. А то как ухнет вся эта часть джунглей вниз – поздно каяться будет, да и некому. Давайте так, мужики: у меня калибр «Сайги» тоже двенадцатый, я с вами патронами поделюсь, чтобы было у нас два заряженных ствола. Кто-то один, ну хоть Валера, с девчонками и Машкой идет в разведку, выбирает место для нового лагеря и расчищает место для него. Ты, Вася, сиди здесь на случай прибытия новеньких. А мы с Лысым начнем двигать машины, попутно расчищая для них дорогу там где нужно. Все равно нам воду желательно найти – ручей или еще что.

– У меня в машине много воды, – сказал Вася. – Пять канистр двадцатилитровых. Всегда набираю из родника в Озерном домой. Вкуснющая водица!

– Даже сто литров когда-нибудь кончатся. И особенно быстро кончатся они, если сюда приедет школьный автобус. Там штук пятнадцать оболтусов будет всех возрастов.

Наскоро позавтракав хлебом с вареньем из запасов Тани и Даши, мы провели подсчет наличных продуктов. Помимо двух больших спортивных сумок девчонок, нагруженных всякой съедобной всячиной, у нас было много картошки и грибов, два подстреленных мною зайца и уйма наловленной Васей, Валерой и Лысым рыбы, которую они частично успели засолить.

– С грибами, свежей рыбой и зайцами надо срочно что-то делать, – сказал Лысый. – Иначе пропадут.

– Я займусь, – пообещала Машка. – Мы же будем обед готовить.

– Посуды у нас полно, – сказал Валера. – Бери что хочешь. Вася – сибарит еще тот. Большой котелок есть, маленький под чай, и сковородок аж две штуки. Шампуры – конечно.

– Лески еще дай, – попросила Машка.

– Мой котелок тоже забери, – сказал я ей. – Народу-то много, и пополнение может прийти.

– Давай-давай. Щас такую уху сварю – премию мне дадите. То бишь нальете.

– А у нас нет.

– Врешь! Тебе дед Федор всегда бутылку с собой дает.

Мое настроение, вначале такое же подавленное, как у всех, неуклонно улучшалось. Сперва я не мог разобраться, в чем дело, а потом понял: сегодня мне не надо вставать по будильнику, потому что я уже встал без него. А еще не надо идти на опостылевшую работу, на которой мне ничего не светит. И завтра, скорей всего, идти туда мне не потребуется тоже.

Вот так живешь-живешь – и не понимаешь до конца, как тебя все задолбало: и твой непосредственный начальник, который никогда тебе продвинуться не даст, хоть наизнанку вывернись, потому что продвинуться ты можешь только на его место; и дорогие сослуживцы, готовые сожрать друг друга и тебя ради собственного продвижения, хотя понятно же, что ни одному из них продвижение не грозит по той же самой причине; и корпоративная борьба за эффективность труда, в результате которой ты работаешь все больше и больше, а получаешь все меньше и меньше.

И сколько же раз тебе хотелось взять и свалить куда подальше; и вдруг так получается, что ты уже свалил. Да так далеко, что никакая загранка с этим рядом не стояла.

Я сел в «Хаммер» и проехал первые двести метров, петляя между деревьями. Лысый шел впереди по зарослям папоротников и лопухов, обрубая свисающие сверху лианы и следя, чтобы я не наехал на что-нибудь вредное для колес. Потом нам пришлось убрать с дороги гнилую корягу, и мы продвинулись еще метров на сто. Деревья стояли не слишком густо – главную проблему представляли их корни, некоторые из которых у стволов были человеку по пояс, а то и выше роста. Ну и заматеревшие кусты жгучей колючки, возвышавшиеся кое-где над землей метра на четыре, становились по-настоящему неодолимой преградой.

У жидкой рощицы молодого бамбука, через которую мы решили прорубаться, нас догнали Даша с Таней на «Шевроле-Ниве» и Валера с Машкой на моем уазике. Они успели свернуть палатку, и теперь, подсобив нам с машинами, пошли дальше, стараясь выбирать удобную для нас дорогу и делая зарубки.

Через два часа Вася сменил на трассе меня, а потом я – Лысого. К полудню мы уехали от обрыва на полтора километра, добравшись до расчищенной Валерой и женским обществом площадки. Там нас ждал обед: картошка с грибами, в которой преобладали грибы, и отменная уха. Над отдельным костром в дыму коптились зайцы. Выше, на растянутой между кольев леске, висела рыба, еще выше сушились остатки грибов. Хотя какие там остатки – три четверти Машкиного рюкзака.

Валера успел сходить в разведку и теперь рассказал, что на три километра дальше никаких ручьев нет; разве что далеко справа и слева, но там он не проверял. Из старого лагеря пришел Лысый и сообщил, что никто больше с Земли к нам так и не приехал.

– Выходит, дыра закрылась, – опечалился Вася.

– Может, она движется, – предположила Таня. – Вчера была на проселке, а теперь сместилась в лес.

– Если она движется, то рано или поздно окажется в густонаселенных местах, – сказала Даша. – А может, уже и была.

– Хочешь сказать, кто-то мог попасть сюда до нас? – повернулся я к ней.

– А почему нет? Я слышала, в последнее время во всем мире слишком часто стали пропадать люди. Бесследно.

– Они и раньше пропадали, – возразил Валера. – Хотя да, я тоже читал где-то, что по статистике число бесследных исчезновений увеличилось.

– Если во всем мире пропадают, так значит, наша дыра не одна такая, – сказал Вася.

– Давайте тогда людей здесь поищем! – загорелась Таня.

– Сперва надо найти воду, – осадил ее я. – Того, что в канистрах, нам хватит на три дня, – ну, на четыре. И с пищей вопрос решить, иначе как ни растягивай продукты, через неделю будем голодать. Нам и так повезло неслыханно, что ехали кто с рыбалки, кто с охоты, кто от щедрой бабушки.

– А мы здешнюю пищу сможем есть? – засомневался Вася. – Если мы на другой планете...

– Здешним воздухом мы дышим уже давно, – сказал я. – И никто пока не помер. Может, и с едой так же будет. Но сперва ее добыть надо. Я вот что предлагаю: давайте вообще поменьше думать об отвлеченных вещах и побольше заниматься тем, что касается простого выживания. Для нас это сейчас самое главное. Людей потом поищем или они нас найдут. Хотя кто знает, где их выбросило или выбросит. На целой планете шансов на встречи мало.

– Серега прав, – сказал Лысый. – Раз уж никак нельзя назад, надо как можно скорее обжиться здесь. И дальше место искать не для лагеря уже, а для поселка. Благо робинзоны из нас хоть куда – и припасы, и оружие, и снасти есть. И с машин можно много чего полезного снять. А сделать из них – еще больше. Это ж куча железа.

– Для таких дел кузня нужна, – сказал я. – Хотя бы примитивная. И навыки в кузнечном деле.

– У меня они есть, – похвалился Лысый. – Не бог весть какие, но тесаки я из рессор делал. А кузню соорудить... Камни нужны и глина. Как-нибудь печку сляпаем.

– Вот-вот – камни. А сколько мы их видели за сегодня? Кроме тех, что под обрывом, и до которых не добраться? Внизу – равнина, тут тоже равнина. Реки и ручьи здесь наверняка еле текут и почву глубоко не размывают. В таких джунглях камни в большом дефиците.

– Железяки здесь тем более в дефиците. Машины надо тащить с собой до конца, я считаю.

– Потащим, пока горючка есть.

– А ты откуда знаешь про джунгли? – спросил меня Вася.

– Книжки хорошие читал. И вы все тоже вспоминайте, кто и что дельного читал про такие леса или по телевизору видел. К тебе, Даш, особая просьба, раз ты у нас в экологии метила.

– Книжки... – протянул Вася. – С книжными знаниями мы тут можем так влипнуть...

– Я же о дельных книгах говорил. А о том, что мозг надо выключить и книжные знания с действительностью не сравнивать, не говорил ничего. И потом, Вася, какие у нас варианты? Если у тебя налажен телепатический контакт со специалистами по дождевым тропическим лесам, особенно инопланетным, мы тебя с удовольствием послушаем.

После обеда мы два часа отдыхали, а затем снова принялись за расчистку трассы, теперь уже все сообща. Было не слишком жарко – видно, вчерашняя духота стояла перед грозой, которая потом так и не началась. Но пот все равно со всех лил так, что наша одежда вскоре оказалась мокрой. Та, что на нас еще оставалась. Москиты и прочие кровососы в округе отсутствовали, и мы сняли с себя что только могли.

– Раз комарья нет, значит, и воды тут близко нет, – сказал Вася на перекуре.

– Не обязательно, – возразила Даша. – В Амазонии почти везде вода, а москиты водятся не везде.

– Давайте сегодня сильно не усердствовать, – сказал Валера. – А то наработаемся с непривычки – завтра останемся без рук. У нас тут кто и когда в последний раз через джунгли прорубался?

– Ты после сегодняшнего уже будешь назавтра без рук и без ног, – ответил я. – И мы тоже. Но надо будет встать, как-то размяться и продолжить. Никак нам нельзя не усердствовать. Не успеем освоиться, пока припасы есть и домашний жирок не сошел, – пропадем. А что руки-ноги будут поначалу отваливаться – ничего, выдержим. Народ почти весь у нас молодой, здоровый. Лысый, хоть и не молод, наверно, здоровее всех. А Машка Ситуация – та вообще настоящий чемпион по выживанию в экстремальных условиях, в том числе и в состоянии острой алкогольной недостаточности. Она, когда свою избушку спалила по пьяни, новую своими руками построила. А перед этим зиму прожила в землянке. Слышь, тетя Маш? Тебя хвалю. Пока ручей не найдем, даже сто граммов не жди, а когда будет вода и добычи вдоволь – всю бутылку тебе отдам, клянусь бородой деда Федора.

К вечеру мы прошли еще два километра. Лысый не поленился вернуться на место первого лагеря у обрыва, стесал там с одного дерева кору и вырезал короткое послание – кто мы, сколько нас и куда направляемся.

– А то ведь дорога наша, я думаю, быстро зарастет, да, Серега? – спросил он.

– А как же.

– Я еще по пути затесы хорошие делал на месте наших зарубок, – сказал он. – Их только слепой не разглядит.

– Молодец, что скажешь. Теперь надо сразу затесы делать. И послания вырезать регулярно.

Я срубил подходящее деревце и сделал из него для наших топоров новые топорщица, вдвое длиннее старых, чтоб размах был больше. Девчонки, двигаясь на последних оборотах, помогали Машке развешивать над костром недосушенные днем грибы и рыбу. Валера, учтя опыт дня, нарубил тонкого бамбука и связал его лианами в пучки, чтобы бросать их под колеса у больших корней, поддающихся переезду. Потом пучки можно было быстро грузить на верхние багажники уазика и «Хаммера» и довозить до следующего корня. Вася прикинул, сколько мы истратили горючего и сколько осталось, и сказал, что пройдем мы еще максимум сорок километров. После чего он совсем скис, лег под деревом и больше не вставал. Сперва мы его жалели, но вскоре выбились из сил точно так же, нам стало жаль самих себя, и чтобы заглушить это чувство, все дружно принялись над Васей издеваться.

– Вот оно как – иметь лишний вес, – едко заметила Даша.

– Да, много есть – вредно для здоровья, – отозвалась Таня.

– Завтра урежем ему паек наполовину, – сказал я.

– Лучше совсем, – буркнул Валера.

– Правильно, пусть компенсирует резервами, – поддержал Лысый. – А когда у нас кончатся припасы, съедим Васю первым. В нем еще много чего останется.

– Я из него такой супешник сварю – премию мне дадите, – пообещала Машка.

Вася страдальчески морщился, затыкал уши, но вскоре не выдержал. С кряхтением поднявшись, он принялся помогать Лысому, решившему снять с машин водительские двери, чтоб не приходилось их открывать и закрывать.

К ночи мы вымотались окончательно, поужинали, едва попадая ложками в рот, и завалились в палатку, оставив на часах несгибаемую Машку Ситуацию. Через пару часов она безжалостно растолкала меня. Отдежурив свои два часа, я растолкал Лысого, а чуть позже нас всех разбудил жуткий далекий рев. Несмотря на то, что он был не слишком громким, мы услышали его сквозь сон и усталость, моментально почувствовали себя добычей и выскочили из палатки, сталкиваясь друг с другом в темноте. Лысый стоял с «Вепрем» наперевес у потухшего костра, в котором рдели угли. Рев повторился. Он шел со стороны обрыва, от нашего первого лагеря, и в нем было столько первобытной ярости, что я невольно вздрогнул. Таня заметалась, инстинктивно пытаясь прижаться одновременно ко мне и Валере, а так как мы стояли друг от друга в двух метрах, у нее ничего не получилось. Наконец она выбрала Валеру, а у меня в объятьях

каким-то чудом оказалась Даша, хотя я, вроде, с места не сходил и не шевелил руками. Лысый опустил карабин и сказал с облегчением: «Это далеко». Рев опять повторился, но слабее и откуда-то слева. Потом опять – еще дальше.

– Уходит, – сказал Валера.

Машка пробормотала: «Большой кто-то. Очень большой», – и тут же улеглась на свой полиэтилен досыпать. Даша вытащила голову у меня из подмышки, повертела ею, и обнаружив, что все на месте, а не попрятались по кустам, быстренько со мной распуталась и отступила на шаг в сторону, как будто ничего не было. Лысый на нее глянул, усмехнулся и сказал мне заговорщическим тоном:

– Слушай, Серега, может, я зря там надпись о нашем маршруте вырезал? Вдруг местные читать умеют? Вот этот сейчас как расскажет всем, как они припрутся сюда толпой!..

Таня задержалась от нервного смеха, и Валере пришлось долго ее трясти, прежде чем она остановилась.

– Ой, а сам-то! – с вызовом сказала Даша Лысому. – Ты-то как со своим ружьишком собирался обороняться от того, кто там ревел?

– Он хоть обороняться хотел, а не изображал страуса, – сказал я. – Да ты не дрейфь, Дашутка, по-русски этот ревун точно читать не умеет, если местный. Зато на посту теперь никто не заснет, можно не проверять.

– А кто когда спал? – спросил Вася.

– Да ты носом клевал в прошлую ночь, когда я тебя сменять пришел!

– Я не клевал!

– Еще как клевал. А теперь не будешь. Потому что ты у нас самый толстый и вкусный, а такие зевать не должны. Если свои не съедят, то чужие доберутся.

– А ну вас! – махнул рукой Вася и полез в палатку. – Тут дела серьезные, а они – ржать! Вот действительно придет сюда ваш местный, не до смеха будет.

Глава 3

Утром мы встали с немалым трудом, однако постепенно разработались и довольно бодро продвинулись на километр с лишним. Запасы воды расходо­вались куда быстрее, чем я предпо­лагал, но после обеда начался сильнейший ливень. Машка мигом расстелила на земле свой полиэтилен, Вася с Валерой раскатали палатку. Остальные повыбрасывали из машин все, что могло намочнуть, и нам удалось собрать около семи литров воды, которую тут же процедили, прокипятили и слили в одну из освобо­дившихся канистр. Лысый обнаружил упавшее дерево с дуплом, повернутым вверх, и мы начерпали оттуда еще пол-литра. Вся оставшая дожде­вая вода мгновенно впиталась в лесную подстилку, не считая того, что продолжало капать с листьев.

– Тут настоящий потоп нужен, чтобы хоть временно ручьи потекли, – сказал Валера.

– Все равно вода от ливней куда-то стекает, – сказала Даша. – Рано или поздно найдем ручей, реку или сенот.

– Лучше рано... А что такое сенот?

– Естественный колодец в земле. Только найти такие колодцы трудно, если не знаешь, где они.

– Жаль, что среди нас либеров нет. Говорят, они что хочешь найти могут.

– О них много чего говорят...

Вечером мы с Лысым смастерили себе рогатки. Пока нам не попало­сь на пути никакой дичи, кроме птиц, а тратить на них патроны не хотелось. За неимением камней пришлось соби­рать к рогаткам боекомплекты из гаек. Ради них мы перетрясли мой чемоданчик с инструмен­том, кое-какие скрутили с машин, а Лысый еще собрал у народа мелочь от рубля и выше.

Даша с Таней кроили и шили верхонки из снятых с сидений чехлов. Запасливый Вася возил в «Хаммере» несколько пар рабочих перчаток, но они истрепались в первый же день, а на второй наши руки покрылись волдырями. Иголка у нас на все три машины нашлась только одна, катушка ниток оказалась тоже одна, да еще тощая, и девушки использовали тонкую леску, хотя и жаловались, что это жутко неудобно.

Было заметно, что Даша до сих пор чувствует себя немного неловко за свой вчерашний испуг. А мы с Лысым чувствовали себя точно так же потому, что вздумали по-глупому поте­шаться над девчонками. Было ведь им от чего испугаться. Да сначала вообще все испугались, в том числе мы с Лысым, – именно поэтому нас потом и потянуло на ржачку. А дело-то серьез­ное, как справедливо заметил Вася. Судя по голосу, зверь у обрыва был с размером с тиран­нозавра, не меньше.

– Чем может питаться в джунглях очень большой хищник? – спросил я Дашу.

– Такими же большими травоядными, – улыбнулась она, почуяв, что я хочу идти на миро­вую.

– А те что едят? Травы тут немного, одни лопухи с папоротниками и кусты. Да колючка еще.

– Наверно, где-то в лесу есть пастбища побогаче. И если травоядное действительно боль­шое, оно может валить деревья и объедать листву. Ты же видел – тут некоторые деревья с мет­ровыми шипами на стволах. Такие приспособления просто так в природе не возникают. Это против кого-то.

– Блин, ученых бы сюда... – протянул Валера. – Это с ума рехнуться можно – целая новая планета!

– Ага, – сказал Лысый. – А для нас особенно здорово было бы найти проходимую в обе стороны дыру, поставить на нее турникет и брать с ученых плату за вход. А дальше – вила в Швейцарии, счет в банке... И скромный домик здесь – на случай утомления цивилизацией.

Как мы ни растягивали воду, через три дня она у нас кончилась вся, а потеть никто не перестал. Роскошные ливни больше не повторялись. За четвертый день мы высохли до состояния вяленой воблы, хотя находились посреди довольно-таки мокрого места, где приходилось разводить костры из насквозь сырых дров с помощью изрядных порций бензина. На расчистке трассы работали то по двое, то по трое, остальные рыскали в поисках источников по обеим сторонам нашего пути. К вечеру Вася наткнулся на небольшую лощину с лужей. Глядя на нее, никто не мог сказать, чего в ней больше: ила, тины, червяков или воды. Но выбора не оставалось, и мы встали в лощине на привал, истратив остаток дня и часть ночи на процеживание, кипячение и повторное процеживание мутной жижи. Труднее всего было цедить на первый раз, потому что ил мгновенно забивал любую ткань, а промывать ее мы могли только в той же луже. Но в итоге набрали около двадцати литров относительно чистой воды – кроме той, что выпили сразу.

На следующее утро Лысый убил большую нелетающую птицу, попав ей в голову гайкой из рогатки. Это было кстати, так как еда у нас тоже подходила к концу, – мы сэкономили картошку, оставив два ведра на посадку. Лысого долго хвалили за снайперский выстрел, а Таня чмокнула его в щеку. Машка обнаружила в кустах поблизости гнездо с восемью яйцами в нем. Ее тоже хвалили, но целовать никто не стал.

– Ну что, будем пробовать местную живность? – спросил Вася, с сомнением глядя на птицу.

– Лучше если это сделает кто-то один, и съест чуть-чуть, – сказала Даша. – Давайте жребий кинем и определим очередность. И потом, как добудем что новое, пробует следующий в очереди. А остальным день выждать.

– Дельно, – одобрил Лысый.

– И все жарить хорошо и варить подолгу, – сказала Таня.

– А если очередник через два дня очокурится? – засомневался Валера.

– Значит, судьба у нас такая, – сказала Машка.

Жребий бросили. Первыми оказались мы с Лысым.

– Ну что, брат-смертник, – сказал я ему. – Будем надеяться, что ты кого-то хорошего убил.

Машка быстро ощипала птицу и развела костер. Мы продолжали работать, а когда снесь оказалась готова, я съел жареное крылышко, а Лысый – печеное яйцо.

После полудня Валера обнаружил целое озерко с наполнением примерно того же качества, какое было в луже. Возле озера мы простояли целые сутки, непрерывно кипятя воду во всех котелках и заполняя канистры.

– Надо разведчиков подальше вперед послать, – сказал Вася. – А мы тут постоим, пока не вернутся. Налегке все же легче будет воду искать, чем всем караваном.

– Идея твоя запоздала, – ответил я. – Стоило сразу так сделать, а не надеяться, что найдем источники с минуты на минуту. А теперь проще к этому отстойнику водоносов отправить в случае чего.

Еще через три дня пути нам попался наконец ручей. Вода в нем оказалась мутной, но все же ее можно было назвать водой еще до прохождения трех стадий обработки. Мы с Лысым пошли по течению, и вскоре ручей вывел нас к болоту с многочисленными, свободными от тины и кувшинок протоками, и островками, на которых росли деревья и кустарник. Другие деревья и гигантские хвощи поднимались прямо из воды. Квakanье лягушек и крики птиц сливались в сплошной гвалт.

– Это болото может быть окраиной реки, – сказал я. – Лучшего места, по-моему, искать нечего. Видел, рыба плещется?

– Видел, – ответил Лысый. – Да, пока протоки не разведем, лучше встать тут. И бензина все равно почти уже нет. А разбирать машины и потом перетаскивать – ну их к черту.

Все наши обрадовались болоту как родному. Последней гигиенической процедурой у меня была баня деда Федора, у Тани с Дашей – тоже баня, а у Васи, Лысого и Валеры – так вообще душ еще перед поездкой в Озерное. Мы не знали, водятся ли в болоте опасные хищники, но в нем точно могли жить всякие мелкие паразиты типа амазонского сомика кандиру, и омовения решили проводить на берегу.

– В этой воде и микроскопические паразиты могут жить, – заметил Вася. – А их не разглядишь. Блин, позаразимся мы здесь всякой дрянью и уже через год запаршивеем так, что страшно станет смотреть друг на друга.

– Ты сперва проживи этот год, – сказал я.

– Нет, ну правда же, Серега! В тропиках в воде какая только гадость не обитает.

– А что делать – кипятить воду для мытья? В принципе, можешь попробовать. Костер все равно лучше постоянно жечь – зажигалки надо экономить. Но тут и просто в воздухе какие-то микробы есть, и что – воздухом не дышать? А фрукты найдем – варить их? Так и так чем-нибудь заразимся. Вопрос в том, останемся ли живы при этом. Прекрати разводить панику, Вася. И на Земле миллионы людей заражены паразитами и умирают от инфекций. А в этих джунглях главная опасность для нас в том, что наши организмы не знают, как с местными гадами бороться. Так ведь и гады не знают пока, как на нас паразитировать. Тут уж кто быстрее приспособится.

К нам, как раз в тему разговора, подошла Таня и сказала, что они с Валерой нашли фрукты. Была ее очередь снимать пробу, но мы, сообщив осмотрев низкое и разлапистое многоствольное дерево с небольшими оранжевыми плодами, отсоветовали Тане рисковать.

– Видишь, они спелые, а не ест никто, – сказала Машка. – И даже палые никто не ест.

– Правда, Тань, – сказал я. – Ну их, такие фрукты.

Место для поселка выбрали в двухстах метрах от болота, вплотную к зарослям жгучей колючки и неподалеку от рощи бамбука, который обещал стать основным строительным материалом для хижин. В колючке сразу прорубили несколько ходов, чтобы в случае чего прятаться в них. Москиты на болоте и рядом с ним были, но не настолько много, чтоб их нельзя было терпеть, – видно, москитов истребляли многочисленные лягушки. А дым от непрерывно горящего костра, скапливаясь в неподвижном воздухе под кронами деревьев, должен был обезопасить нас от кровососов по крайней мере в поселке.

Вечером мы провели инвентаризацию нашего имущества и остались довольны. У нас было три машины, из которых на ходу пока решили оставить «Шевроле-Ниву», а две другие переходили в полное распоряжение Лысого и подлежали немедленной разборке. Лысый отогнал их чуть в сторону. Здесь будет кузня, когда найдем камни, сказал он.

Кроме машин, у нас еще имелось немало полезных вещей:

Два гладкоствольных охотничьих карабина в отличном состоянии.

Сорок семь патронов двенадцатого калибра, десять из них с картечью.

Двухместная и одноместная надувные лодки.

Две малых рыболовных сети и одна большая.

Три отличные удочки и двадцать шесть закидушек.

Леска разной толщины, грузила, поплавки и крючки.

Много одежды, часть из которой годилась для носки в готовом виде, часть мы могли перешить и приспособить к условиям джунглей, а кое-что девчонки уже начали распускать на нитки.

Единственная иголка, которую берегли как величайшую драгоценность и рвали друг у друга из рук.

Три одноразовые зажигалки, одна бензиновая, и один коробок спичек.

Один станковый рюкзак и четыре обычных.

Две спортивные сумки, которые Таня с Дашей по моему совету тоже начали перешивать себе на рюкзаки. Ведь пока оставалось неизвестным, окажется для нас выгоднее оседлая жизнь или кочевая.

Двадцать два литра бензина и четыре с половиной литра машинного масла (не считая того, что мы могли слить с двигателей).

Две канистры с тосолом, на пять и десять литров, обе наполовину пустые.

Одна пустая двадцатилитровая канистра из-под бензина.

Пять двадцатилитровых канистр под воду.

Одна алюминиевая фляжка и три пластиковых бутылки, которые годились под фляжки.

Несколько литровых и двухлитровых стеклянных банок из-под варений и солений Дашиной бабушки.

Четырехместная палатка, три туристических коврика и три спальных мешка.

Несколько комплектов одноразовой посуды, годной для многократного использования.

Одна нержавеющая ложка и одна алюминиевая.

Четыре обычных кружки и одна большая.

Две сковородки и три котелка.

Четыре хороших охотничьих ножа, два универсальных инструмента с пассатижами и множеством лезвий, одно мачете, швейцарский нож Даши и самодельный свинорез Машки Ситуации.

Газовый пистолет Даши и Танин баллончик «Гражданская оборона».

Два средних размеров топора на вырезанных мною длинных топорницах и одна ножовка.

Две лопаты – из «Хаммера» и уазика.

Три домкрата, годных для предстоящей разборки машин, а больше неизвестно пока на что.

Богатейший набор инструментов из уазика, гораздо скромнее – из «Хаммера», и еще скромнее – из «Шевроле-Нивы».

Три автомобильные аптечки.

Литровая бутылка крепчайшей самогонки, которую я, как и обещал, подарил Машке сразу после обнаружения болота, а она, скрипя зубами от душевных мук, пожертвовала на медицинские цели, чем заслужила всеобщее уважение.

– Я тут найду из чего бражку поставить, – сказала она. – Вы мне только канистры из-под тосола отдайте.

– Да уж из-под воды возьми.

– Пойдут и те. Тосол можно вылить – куда здесь ездить-то? А самогонка – она еще пригодится. Вдруг палец у кого загниет или, не дай бог, нога. Хряпнул стакан самогона – и на операцию.

Машка выразительно помахала своим свинорезом и пошла за рогатками для костра.

– Да, с медицинскими инструментами у нас плоховато, – сказал Валера. – И с лекарствами тоже.

– Ну, какие из нас врачи, такие и инструменты, – ответил я. – Палец отрезать знаний и возможностей хватит если что, может, и ногу кому отпилим, а на большее кто здесь способен?

– Хирургу надо будет выдавать больше самогонки, чем больному.

– Да ну! Вон, Машке себя поручи – она тебе все конечности ампутирует за пять минут, с шутками и прибаутками. В совершенно трезвом состоянии.

Десять дней мы всю занимались благоустройством на новом месте. Вкалывать приходилось хуже чем на каторге, но никто не отлынивал. Те, кто был до сих пор не в курсе, один за другим открывали нехитрый секрет: работа до упаду великолепно отвлекает от мыслей о своей горькой судьбе – на них просто не остается времени и сил. А если в придачу к обретаемому

душевному спокойствию ты понимаешь, что у тебя и способов выжить других нет, то никаких дополнительных стимулов для ударного труда, кроме этих двух, тебе не потребуется.

Раньше я и не знал, что в теле человека так много мышц, и что все они могут болеть одновременно. И еще я понял смысл выражения «жопа в мыле». Работать до пота мне приходилось и раньше, но вот чтоб задница активно потела – никогда.

Остальные страдали не меньше моего, особенно девчонки. Мы старались их сильно не нагружать, выделяя дела полегче, а Машка еще постоянно одергивала хрупкую Таню и не давала ей много работать. «Ляг полежи, – говорила она, замечая, что Таня бледнеет и начинает шататься. – Отдохнешь – потом больше сделаешь». Таня послушно ложилась, отдыхала, а ожив, тут же принималась строить глазки Валере. Меня это против воли неприятно цепляло. Не то чтоб я в Таню влюбился или имел какие-то виды на нее, однако всегда неприятно, если красивая девушка вот так быстро выбирает среди нескольких мужчин не тебя, а еще кого-то. Ничего поделывать с собой я не мог, хотя вообще-то мне больше нравилась рыжая Даша с ее задорным носиком.

Легче всего адскую усталость первых дней переносили Машка с Лысым. С Машкой все понятно, на то она и Машка, а Лысый единственный среди нас раньше ежедневно работал физически, да еще вел эту свою секцию по рукопашному бою. Следом за ними, касаясь прочности, шел я – все-таки в деревне вырос.

Нарубив бамбука всевозможной толщины, мы вкопали в землю столбы для хижин. Пол каждой из них подняли над землей на метр, опасаясь змей и вредных насекомых. Профессиональных плотников среди нас не нашлось, но я, Лысый и Машка могли топором не только дров нарубить, а для строительства легких тропических городушек все же не требовалось столько знаний и умений, как для возведения храмового комплекса в Кижях. Стены мы делали все из того же бамбука, на крепления шли тонкие лианы, а кое-где – шипы от жгучей колючки. Двери показались нам ненужной роскошью, и мы оставили проемы пустыми, окна не делали вообще, а до крыш пока руки не дошли.

Лысый снял с «Хаммера» бензобак, долго мудровал с ним, а потом водрузил его на высоких подпорках и закрыл сооружение с трех сторон плетнями из бамбука и лиан. Получился душ, воду в который таскали из ручья в канистре из-под бензина. На душ Лысый, по настоянию девчонок, дверь сделал – после долгих шуточных пререканий с ними. И даже повесил внутри на нее зеркало заднего вида.

Машка поделила оставшуюся картошку на четыре части и раскопала для каждой свой огородик в тех местах вокруг поселка, где сквозь кроны деревьев пробивались вниз солнечные лучи. Делянки она обнесла страшными на вид заборами из заостренных кольев и колючки, потому что мы уже видели в лесу следы, напоминающие свиньи. Работала Машка безалаберно, зато быстро, и ограды получились хоть неказистые, но надежные.

Рыбалка на болоте оказалась так себе. Вася с Валерой божились, что со временем узнают повадки проклятой инопланетной рыбы и удача окажется на их стороне. С охотой дело обстояло немногим лучше, но мы надеялись позже поправить положение и здесь. А пока жили впроголодь, в основном на лягушках, радуясь одному: никто из нас еще не отравился. Все мы стали заметно стройнее, Вася отощал тоже. Его животик бессильно обвис, румяные щеки опали, и самым вкусным среди нас он больше не выглядел.

Перед нами постоянно возникали все новые и новые проблемы, которые нужно было срочно решать, причем ошибка могла стоить жизни кому-то из нас или всем. Несмотря на это, или как раз благодаря этому, с каждым прожитым днем возрастала моя уверенность в себе. Мне с детства говорили: все в твоей жизни зависит только от тебя. Учись хорошо, и со временем у тебя все будет; и я старался как только мог, и в школе, и после, и к окончанию учебы в институте еще ничего не понял, хотя тупой бездарь из моей группы сдал экзамены

экстерном на третьем курсе, просто заплатив кому надо. И он в стенах нашей альма-матер был не один такой.

Потом меня уверяли: работай как следует, и у тебя будет все. И я выкладывался на сто десять процентов, однако жизненный опыт брал свое, и в конце концов до меня дошло, что все имеют как раз те, на кого я работаю, а мне иметь хоть что-то не маячит и в перспективе. Потому что именно ради этого строилась система, которой я принадлежал, и только так она могла существовать. Чем усерднее человек работал, тем усердней его эксплуатировали. Жить в системе, причем хорошо, должны те, кто наверху. А те, кто внизу, должны только пахать. А потом как можно быстрее сдохнуть, дабы не обременять бюджет в качестве пенсионеров.

А теперь я оказался здесь, где все действительно зависело только от меня и таких же как я. И мне требовалось ежесекундно заботиться о себе и о них, потому что попади я в беду, никто, кроме них, обо мне не позаботится. И до всех наших эта простая мудрость дошла чуть не с первого дня.

Родители, родственники, супруги, у кого они были, и у кого были действительно родителями, родственниками и супругами, а не врагами номер один, – они остались на Земле, как и государство, полиция, начальство, управляемая демократия и неоплаченные кредиты. Блага цивилизации отошли в область преданий. Сама цивилизация из джунглей казалась чем-то ненастоящим.

Я знал, что рано или поздно мы кого-то потеряем. А потом – еще кого-то. Но не хотел гадать, по кому первому прозвонит колокол. Он мог прозвонить по мне.

Я также знал, что моя сегодняшняя растущая уверенность в себе – она до первого тяжелого случая, который сотрет ее в пыль. Или, что хуже, случай будет легким и незначительным, – но все равно мою веру в себя уничтожит. И ее придется восстанавливать, поднимать за шкуру, вытаскивать из стыда и грязи. А может, точно так же восстанавливать веру и самоуважение тех, без кого мне не прожить. Чтобы то и другое стояло хотя бы до следующего раза. Ведь без веры в себя человек не в силах существовать: она заменяет нам уверенность в завтрашнем дне. А ее, уверенности этой, здесь быть не могло, да и на Земле не было тоже.

На одиннадцатый день от основания поселка я проснулся позже всех. Машка собиралась на рубку бамбука и точила мачете, Валера готовился выйти на охоту, остальные еще бесцельно бродили по площадке вокруг костра, зевали и осторожно потягивались. Я тоже зевнул, завел руки за голову, приподнялся на носках, да так и остался в этой позе.

В поселок с тяжелым сдержанным шорохом вползала змея, и ее вид не сулил ничего хорошего. Я видел раньше такую же точно в фильме «Анаконда» – длиной она была метров пятнадцать и толщиной с хорошее бревно. Все, кроме Машки и Валеры, дружно рванули в заросли и попрятались в них; откуда только взялась бодрость и быстрота движений! Затормозив, я посмотрел назад сквозь просвет в ветвях и лианах. Змея подползла к Валере и вздернула голову на уровень его лица, а он с перепугу забыл, что у него в руках заряженный карабин. Невероятным усилием задавив в себе панику, повелевающую драпать подальше, я начал пробираться к палатке, где лежала моя «Сайга», стараясь вспомнить, чем она заряжена. Змея внимательно смотрела на Валеру, решая, стоит ли попробовать проглотить эту странную тощую обезьяну или лучше не рисковать здоровьем. Я заполз в палатку и вынырнул оттуда с ружьем; змея отвлеклась на меня, и в этот момент Машка, подскочив сбоку, с молодецким «эх!» отрубила ей голову мачете.

Обезглавленная анаконда, вместо того чтобы тихо-мирно сдохнуть, свилась в спираль, тут же распрямилась и принялась извиваться посреди нашего поселка, разнося его в щепки. Я кинулся обратно в заросли, а Машку забросило туда же ударом хвоста. Следующий удар достался Валере. Его швырнуло на душ, и он, снеся дверь и заднюю стенку, вылетел с другой стороны. Змея билась в конвульсиях минуты две, потом затихла, и я отважился выйти.

Поселок лежал в руинах. Из кустов рядом, держась за поясницу и согнувшись, с кряхтением выбралась Машка. Следом показался Лысый с подобранной в лесу палкой. Что он собирался с этой палкой делать, осталось тайной, разве что хотел змею насмешить, но ведь змеи не смеются. Чуть позже к нам присоединился Вася – тоже с палкой и воинственным видом. Ребята привели в чувство Валеру, а я разыскал Дашу, которая сидела в ближних кустах, сжимая в руке газовый пистолет, и горько рыдала над тем, что не отважилась выйти с этой штукой против анаконды. Лысый позвал Таню, она не откликнулась, и мы пошли ее искать. Долго не могли найти – как потом оказалось, далеко искали. А она заползла на два шага в заросли колючки сразу за поселком и там потеряла сознание.

Никто никого не упрекал, хотя все понимали, что полностью присутствие духа при появлении змеи сохранила только Машка. Вскоре все уже друг над другом подшучивали. Валера охал и держался за грудь, куда пришелся удар хвоста, но от других не отставал. Легче всего было Тане – она вообще ничего не помнила, и когда очнулась и увидела мертвую змею, очень удивилась.

– Ну что, будем змеюку пробовать? – спросила Машка, и только тут до нас дошло, какую прорву мяса мы заполучили.

– Тебе начинать, – сказал я. – Твоя ведь очередь испытывать еду. Но если хочешь, я тебя заменю. В знак благодарности за проявленную доблесть.

– Еще чего! – возмутилась Машка. – Как бошки рубить – так я, а как пробовать – ты почему-то. Нихрена себе ситуация! Нет уж, поем первой, как и положено по жребью. А вы – хе-хе! – денек подождете.

И она тут же принялась собирать обгорелые палки из разбросанного костра.

– А ты ела змей раньше? – любопытствовал я.

– А то, – сказала Машка. – Главное, что возни с ними немного. Отрезаешь голову, снимаешь шкуру, чистишь брюхо – ну и готовишь. Можно в листьях запечь, можно глиной обмазать и тоже запечь. А эту сейчас на шампурах пожарю.

Мы помогли Машке снять с анаконды кожу, что, учитывая вес змеи, оказалось совсем не просто. Внутренности утащили к болоту рыбе на прикормку, а мясо, нарубленное на куски, разложили прямо на земле, подстелив лопухов. Пригодится ли нам анакондова кожа и как ее выделывать, никто не знал. Машка намотала ее на длинный бамбуковый шест, сверху насадила змеиную голову, и вкопала шест между того, что осталось от хижин.

– Это другим для острастки, – пояснила она.

Лысый заржал как жеребец во время случки.

– Анаконды – это ж тебе не галки, чтоб их таким способом пугать!

– Много ты понимаешь, – ответила Машка. – Что в галках, что в змеях. Иди вон свои машины разбирай.

Весь день она готовила змею всеми тремя описанными ею способами, и еще коптила. Вдоволь наголодавшись вместе со всеми, соблюдать предписанную пищевым договором осторожность Машка явно не собиралась, постоянно пробовала на вкус то одну порцию, то другую, и к вечеру наелась почти до неподвижности. Мы смотрели на это, смотрели, да и не выдержали.

– Лучше помереть сытым, чем сдохнуть от недоедания, – сказал Вася. – Давайте присоединимся, пока наша победительница анаконд все не сожрала.

На вкус змея оказалась как курица, которую всю жизнь кормили рыбой. Однако такие нюансы мы ощутили уже потом, а сперва просто ели, и вскоре дошли до Машкиных кондиций, то есть нам стало лень шевелить чем-нибудь кроме челюстей.

– А ничего себе змеюка, – сказал Валера. – Танюш, тебе понравилось?

– Всю жизнь только змей есть буду, – ответила она.

– Я понял, для чего шест с головой и шкурой, – сказал Лысый. – Машка хочет анаконд не пугать, а приманивать.

- Типун тебе на язык! Вот приползет следующая, ты с ней разбираться будешь.
- И разберусь!
- Ага, особенно сейчас.
- Слушайте, давайте выходной сделаем, а? Все равно ведь никто не сможет работать завтра, все будут только есть и спать.
- Давайте. Но палатку все равно надо переустановить сегодня. И на дежурство по очереди хоть плачем, но встаем.
- Кто первый?
- Тот, кто сегодня драпал от змеи быстрее всех. А это был ты, Вася!

Глава 4

Вместо одного дня мы отдохнули два, а Валера отлеживался четыре: змея его крепко приложила. Сперва он бодрился, но потом скис, и Таня за ним всюду ухаживала. За следующую неделю мы восстановили хижины и достроили их, что всех порадовало: в палатке спать было душно даже с открытым входом, и мы решили пустить ее на гамаки, чтоб уберечься от муравьев и прочих ползающих насекомых. Крыши хижин покрыли в несколько слоев лопухами, выбирая те их разновидности, что имели самые большие и прочные листья. Нам казалось, что все сделано замечательно, однако первый же ливень выявил огрехи примененных технологий, и крыши пришлось перекрыть по-другому.

Помимо благоустройства поселка, главной заботой стало возведение вокруг него надежной ограды. По плану она выходила большой, так как охватывала все, что мы уже построили, и участки для того, что строить еще только собирались. Ближайшие к нам заросли жгучей колючки, кроме тех, что непосредственно прикрывали нас со стороны джунглей, сразу вырубали. Горючее к «Ниве» быстро кончилось, и транспорта мы лишились, а доставлять ветки в вязанках издалека оказалось сущим наказанием. Как мы ни защищали плечи и спину, шипы при ходьбе пробивали любую защиту, и распределение «на колючку» стало у нас таким кратковременным сухопутным вариантом отправки на галеры.

– Вот скажи мне, против кого эта зараза приспособилась так обороняться? – спросил я однажды Дашу, приволочив в поселок очередную вязанку жгучей гадости и сваливая ее на землю. – Кто и что ее может здесь жрать? У нее и листьев-то нет. Ветки прочные как железяки. Корни такие же – я проверял. Вокруг полно еды помягче. Странно, ты не находишь?

– Я думаю, она не отсюда, – ответила Даша.

– Как это?

– А так. Занесло сюда семена с какой-то другой планеты – ну вот как нас. Ты разве не замечал – колючка в этих джунглях даже смотрится не к месту. Как неместная.

– Пожалуй, ты права, – протянул я. Кусты колючки посреди другой растительности действительно выглядели чем-то чужеродным. – Но тогда, выходит, дырки для перехода сюда есть не только с Земли?

– Если я не ошиблась. Точно с вопросом родословных тех или других растений только генетики смогут разобраться. А нам зачем сильно голову ломать? Сам же говорил – надо поменьше думать об отвлеченных вещах.

– Дырки на другие планеты – вещь не отвлеченная.

– Может, и нет. Но нам ведь все равно не узнать, когда и с какого места колючка начала здесь распространяться. Ее семена с ветром откуда угодно могло принести. А самое главное – я не хотела бы оказаться в мире, откуда она родом. Здесь от нее натерпелась. Ты вот сейчас притащил вязанку, а мне ветки вплетать в частокол.

Еще больше, чем от колючки, нам доставалось от фруктов. Вскоре мы обнаружили в джунглях множество их разновидностей, но почти все они росли слишком высоко, а при попытках пробовать палые плоды, испытателей через раз прохватывал жестокий понос. Впрочем, от фруктов с веток понос нередко прохватывал тоже. Пять раз испытатели серьезно травмились и лежали по нескольку дней. Наконец мы определили три сравнительно доступных и безопасных разновидности, а потом Вася с Валерой, отправившись на рыбалку, привезли сорвавшуюся с дерева в воду и пойманную ими мартышку.

– Пусть теперь она фрукты пробует, – сказал Вася, демонстрируя нам связанную по верхним и нижним лапам обезьянку. – Может, хоть отравлений больше не будет.

Поначалу для необычной добычи построили клетку из бамбука, на которой повесили табличку с надписью «МОНа Лиза» (мартышка особого назначения Лиза). Но обезьянка так

быстро и крепко к нам привязалась, что девчонки стали ее выпускать на волю. Она без конца бродила за ними, мешала шить гамаки или помогала таскать сучья для костра. В конце концов ее перестали запирают и стали спорить о достойном для нее имени. Ведь не подопытное животное уже, а почти равноправный член коллектива; и от отравлений обезьянка нас действительно уберегла, хоть не сумела защитить от периодических расстройств желудка. Какие только имена не предлагались, но ни одно не устраивало всех, а близкая к исходной кличка «Джоконда» не нравилась Лысому, страдающему предубеждениями против Леонардо да Винчи. После долгого и азартного обсуждения с опасными переходами на личности, мартышку решили назвать Мартышкой. Чтоб никого не обидеть. И снова заняться уже работой, вставшей на половину дня.

Машка научилась ставить брагу из даров джунглей и постоянно ходила слегка навеселе. Она и нас угощала, однако быстро выяснилось, что сию продукцию никто, кроме самой Машки, потреблять не может, разве что Лысый. Но и он соблюдал меру из-за неизбежных проблем с пищеварением и лютого похмелья, настигавшего его на утро всякий раз, когда он вечером выпивал больше литра.

Трезвость давалась Лысому нелегко, он тосковал по холсту, и не в силах примириться с отсутствием возможности писать картины, принялся украшать высокохудожественной резьбой окружающие деревья. Для начала он вырезал портреты Тани и Даши, затем – всех остальных, а после стал составлять иллюстрированный резной каталог съедобных и несъедобных животных и растений, снабжая каждое изображение надписью, стилизованной под славянскую вязь. Чуть не каждый день мы ходили любоваться новыми шедеврами. Слушая наши искренние похвалы, Лысый немного успокоился. По его словам, когда он устраивал выставки на Земле, посетителей у него бывало и поменьше.

Соорудив две длинные лестницы, мы обследовали несколько деревьев-гигантов из сросшихся друг с другом стволов на предмет обнаружения пустот внутри. Идея устройства убежищ в естественных крепостях казалась очень заманчивой, однако себя не оправдала. Деревья, разрастаясь, действительно оставляли в середине пустоту и напоминали колодцы, дно которых было завалено толстым слоем листвы и трухи. Внутри оказалось жарко и душно как в парной, а прелая подстилка кишела червями, слизнями, насекомыми – и мелкими змеями, которые охотились на всю эту неаппетитную дичь. К тому же никто не мог поручиться, что в джунглях не водятся хищники, способные залезть в колодец, съесть нас и вылезти обратно.

Неделя проходила за неделей. Помаленьку все осваивались и уже легко определяли с первого взгляда, какие лианы годятся в качестве веревок, а какие нет; узнали, каких червячков и букашек любит болотная рыба; привыкли к неприятному свету большого красного солнца. Невидимое в джунглях, оно поначалу действовало на нас угнетающе, когда мы поселились возле болота и стали часто бывать на открытых местах, выходя на берег или плавая по протокам. Маленькое голубое солнце, более симпатичное на вид, радовало нас своим присутствием на небе не каждый день.

– Я где-то читала, что условия на планетах в системах двойных звезд должны быть плоскими, – поделилась с нами Таня. – Времена года могут меняться раз в месяц или чаще, и погода будет как в аду.

– Посмотри вокруг, – сказал я. – На ад не похоже.

– Может, мы и не в системе двойной звезды, – сказала Даша. – Может, голубое солнце – на самом деле просто планета-гигант. Светит отраженным светом – и все.

– Без астронома не разберемся с тонкостями, – рассудил Валера. – Давайте лучше подумаем, как *нашу* планету назовем.

– А это, конечно, самое главное, – ядовито заметил Вася. – Без этого не проживем.

– Вася, ну почему ты такой бываешь? – возмутился Валера. – Подумай: открыть планету и никак ее не назвать?

– Мы ее не открывали. Мы вывалились на нее как сардельки из дырявой авоськи.

– Ну и что? Колумб вешал на уши лапшу испанскому королю, будто собирается открыть удобный морской путь в Индию, хотя на самом деле хотел найти вход в рай. В итоге случайно наткнулся на Америку, и все считают его первооткрывателем.

– Давайте назовем планету Гилеей, – предложила Таня.

– На ней наверняка не одни джунгли только, – возразил я.

– Да, но кроме джунглей мы тут вряд ли что увидим. Разве отправимся в кругосветное путешествие. Но в нашем положении и с нашими возможностями это маловероятно.

– Зато как интересно было бы!.. Ну, пускай будет Гилея. Возражения есть?

Возражений не было. Подумаешь, назвать планету. Это вам не Мартышке имя выбирать.

Разламывающая боль в коленях, локтях, запястьях и пояснице все еще часто мешала быстро заснуть, но в целом наши мышцы и суставы помаленьку крепили и адаптировались к постоянному тяжелому труду. Хотя и не так быстро, как хотелось бы.

Выращивание картошки у нас не задалось. Она не взошла ни на одной делянке, и Машка, раскопав лунки, обнаружила, что семенные клубни поел кто-то, живущий в земле. Так что все наше сельское хозяйство накрылось единым махом, и мы окончательно превратились в охотников и собирателей.

Иногда нам везло, чаще – нет. За все время мы истратили девять патронов, и все с немалой пользой, но мясо всегда кончалось слишком быстро. Охотились в основном на свиней и антилоп, добыли двух больших водяных крыс весом килограмм по пятьдесят каждая, несколько раз видели буйволов на водопое, но подступиться к ним с картечью не рискнули. Съедобных орехов пока не обнаружили, а на диете из одних фруктов, лягушек и рыбы сидеть бывало очень тоскливо.

Раз в неделю я принимался ухаживать за Дашей, но никаких успехов не имел. Через пару – тройку дней у меня пропадала охота напрягаться – до следующей недели. Я чувствовал, что нравлюсь ей, а почему она не хочет со мной хоть чуточку сблизиться, понять не мог. Оно конечно, у каждого свои комплексы, но из чего построены Дашины, для меня оставалось тайной. Будь я либером – прощупал бы ее, и все, а так приходилось оставаться при своих интересах. Неоднократно я клялся себе, что забываю про нее, да как забудешь, когда встречаемся сто раз на дню. И постоянно нарушал слово, что было легко, поскольку я клялся не вслух и свидетелей не было.

– Смотрю я на тебя и думаю, – сказала Даша, когда ей пришла охота поговорить по душам. – Вроде, не гнетет тебя ничто, всем доволен, да?

– Нет, – по-честному ответил я ей. – Я не всем доволен. Но эта жизнь все же лучше, чем та, которой я жил на Земле, сам не понимая, зачем.

– А здесь ты понял, зачем живешь?

– Тоже нет. Но пойму.

Даша фыркнула и отвернулась. Я тоже фыркнул, передразнивая ее, и задумался. Это в детстве хорошо читать «Робинзона Крузо» и «Таинственный остров». А реальные робинзонады почти сплошь состоят из тяжелого отупляющего труда и жуткого однообразия, лишь изредка разбавляемого заметными событиями. Как оказалось, это справедливо даже в том случае, если ты оказался на другой планете и в большой компании. А что с этим делать, никто из нас пока не придумал.

Однажды Валера с Васей прибежали из леса возбужденные и сказали, что нашли пчел. В доказательство они предъявили несколько трупиков насекомых. Следующим утром мы втроем прихватили все пустые банки, отправились на место, прошли пять километров и осмотрели дерево, в дупле которого жили пчелы. Ствол оказался метра четыре в диаметре, а само дупло располагалось на высоте тридцати. Первые ветки начинались десятью метрами выше. С них к самой земле свисали лианы, но все они показались нам ненадежными, и доверять им свою жизнь никто не захотел.

– Кажется, знаю, как туда попасть, – сказал я. – Но нам надо хорошо подготовиться. Видите то дерево с шипами на стволе? Надо наломать с него шипов, и подлиннее. Примерно одинаковых. Лучше всего выбирать сантиметров по шестьдесят.

Мы уже знали, что шипы сравнительно легко и аккуратно отламываются с таких деревьев у самого ствола от сильного удара. Вася с Валерой быстро вырезали себе по большой дубине из срубленного молодого деревца и взялись за работу, а я насобирал годных для веревок лиан, измочалил их обухом топора и заготовил несколько тонких крепких жердей. Еще я нашел засохшую лиану, тоже ее измочалил и сплел из волокон короткую толстую веревку для дымокура.

Вася и Валера тем временем наломали кучу шипов. Я сказал, что мало, и Вася пошел искать другие подходящие деревья. Валера остался помогать мне. Выбрав удобное место между корней дерева с медом, я сделал на стволе три вертикальные зарубки, одну над другой, и вбил в каждую шип. Валера подал мне жердь, и мы вместе привязали ее к толстым концам шипов скрученными волокнами лиан. Получилось подобие лестницы с большими промежутками между ступеньками.

– Вот так и полезем, – сказал я. – Шипы в ствол загонять сантиметров на десять. Хотя специалисты говорят, что хватает пяти.

– Какие такие специалисты? – спросил Валера.

– Те самые, что добывают похожим способом дикий мед на Земле. Только они используют колышки из бамбука.

Вскарабкавшись на верхнюю ступеньку и держась за жердь, я скинул Валере конец толстой лески, к которому он привязал несколько шипов и завязок. Когда жердь кончилась, я примотал к ней следующую и стал крепить шипы-ступеньки уже к ней. Пройдя около десяти метров, спустился вниз, мы приготовили еще завязок, и тут как раз подоспел Вася с добытыми им шипами.

Следующий заход сделал Валера – он протянул лестницу на шесть метров. Вася поднял ее еще на четыре. Чем выше мы забирались, тем тяжелее становилось работать. Хлипкая конструкция дрожала от каждого удара по очередному шипу, да и вообще от всякого неловкого движения. Это и при взгляде снизу вгоняло в дрожь, а уж у человека наверху тряслись все поджилки от напряжения и страха. Я сразу предупредил: у кого сильный мандраж начнется – пусть немедля спускается. Лучше завтра доделаем. Так и получилось: не дотянув лестницу до дупла, мы ушли в поселок, потому что уже вечерело.

Наутро мы опять были у дерева, развели у его подножия небольшие дымные костерки и доделали лестницу. Еще на стадии строительства нас всех искусили пчелы, а уж когда мы полезли в дупло, стало совсем не до шуток. Не сильно помогал и дымокур из толстой лиановой веревки. Каждый, поднявшись, наполнял сотами одну банку, спускал ее на леске вниз, а потом спускался сам. На более обстоятельный грабеж дупла ни у кого терпения не хватало, так что каждому пришлось сделать по два захода, прежде чем у нас кончилась тара. Что всех только порадовало.

По прибытии в поселок Таня расцеловала каждого из нас в обе щеки. Даша сказала: да, надо поощрять мужчин на новые подвиги, – и расцеловала тоже. Валера смотрел на Таню глазами влюбленного пуделя, она на него почти так же, и я подумал, что поощрение на подвиги Валеры сегодня ночью будет куда существеннее, чем получили мы с Васей. Три дня мы объедались медом, после чего совершили еще один набег на дерево с дуплом. Тары у нас хватало, в том числе и собственного производства: Машка нашла в лесу невкусные, но пригодные к изготовлению сосудов дикие тыквы. Однако вычищать весь мед у пчел мы поостереглись: во-первых, хозяева дупла слишком больно кусались, а во-вторых, они могли забросить свое жилище и переселиться в другое. И вместо тотальной экспроприации было решено ограничиться периодически собираемой данью.

Пустые соты Машка пустила на медовуху, а часть мы перетопили на воск ради сохранения патронов. Мы давно собирались переснарядить те из них, что были с мелкой дробью, да опасались вскрывать в местном сыром климате. Уж как мы тряслись над боеприпасами – страшно сказать, но ничего сделать-то особо не могли. Капсюли замазали лаком для ногтей, верхнюю часть тоже, сколько хватило лака, благо в косметичках у Тани с Дашей оказалось по целому пузырьку. Патроны складывали в полиэтиленовые мешки, отсасывая из них воздух, и все равно боялись, что порох отсыреет. Теперь Лысый накатав картечи из добытого в автомобильных аккумуляторах свинца, наделал пуль, а после переснаряжения залил патроны тонким слоем воска.

Увеличив свою огневую мощь, мы нацелились на добычу буйволов. Забирать из поселка сразу оба карабина не хотелось, но и выходов других не виделось: звери были огромны, могучи, держались вместе, и, судя по всему, обладали скверным характером. Зарядив магазины «Вепря» и «Сайги» пулевыми патронами, мы с Лысым пошли вдоль болота к тому месту, где буйволы любили поваляться в грязи. Не успели отойти на пару сотен метров от поселка, как слева от нас в лесу послышался треск. Какое-то большое животное шло напрямую через заросли, ломая бамбук и молодые деревья.

– Это еще кто? – спросил Лысый останавливаясь.

Животное двигалось прямо на поселок, до нас доносились его тяжелые шаги и шумное дыхание. Мы бросились наперерез, спрятались за кустами на пути зверя, и вот он появился – этакая помесь броненосца со стегозавром весом тонн в десять, если не больше.

– Мать моя! – потрясенно прошептал Лысый. – Что делать будем?

– Валить его надо, – сказал я. – Смотри, куда он прет. Я не хочу второй раз восстанавливать поселок.

– Да, но как?

– А хоть как. Голова, поди, у него не чугунная? Большой, неповоротливый, явно травоядный. Давай-ка для начала выйдем и поздороваемся. Убежать от такого всегда успеем.

Мы вышли из-за кустов, закричали и замахали руками, надеясь повернуть незваного гостя чуть в сторону. Если он к болоту, так не все ли равно, где идти?.. Броненосец в ответ хрипло заревел, прогоняя нас с дороги, и я, не медля больше, трижды выстрелил ему в пасть. Лысый успел пальнуть дважды. Броненосец заорал, захлебываясь кровью, и нас забрызгало ею с ног до головы. Он продолжал идти, лупя хвостом по стволам деревьев, а мы отступали перед ним, время от времени стреляя то в пасть, то просто в голову, старательно выбирая места, казавшиеся наиболее уязвимыми – небо, глаза, уши. Слишком поздно мне пришла мысль, что мозга в этой голове может и не быть. Броненосец слепо мотал ею, продолжая реветь, и все шел. И только почти прижав нас к ограде поселка, остановился и стал заваливаться на бок. Наши выбежали на помощь: кто с топором, кто с горящей головней из костра – кто с чем. Но зверь уже умирал, и нам оставалось только ждать. Таня, не выдержав зрелища, сказала: «Добейте», – но мы и так истратили на чудище одиннадцать патронов, и не желали больше жертвовать ни одним.

Громадную тушу разделявали до самой темноты, развешивали мясо для просушки, собирали дрова и жгли костры.

– Бедный малыш, – сказала Даша, когда мы уселись на перекур. – Как вы с Лысым его...

– Ничего себе – малыш! – буркнул я. – Да он бы нас всех растоптал вместе с хижинами.

– И все-таки он еще детеныш. А маленьких жалко.

– Это?.. Детеныш?..

– Если не детеныш, то и не совсем взрослый, – поправила Даша. – Ты ему в пасть загляни. У него молочные зубы выпадают, а настоящие только начали резаться.

Мы дружно вскочили и начали рассматривать разъявленную пасть, изуродованную выстрелами. Ну да, точно.

– Будем надеяться, что у него плохая мама, и на поиски своего дитяти она не пойдет, – сказал я. – А если все же притащится сюда, нам ничто не поможет.

На ночь мы разложили вокруг своей добычи костры, но они мало помогли: до самого утра броненосца объедали падальщики, похожие на шакалов и гиен, а утром к ним присоединились рослые голенастые птицы с крохотными крыльями и мощными клювами, напоминающими томагавки. Этими клювами они легко прорубали толстую шкуру броненосца, и даже костяные пластины у него на спине не выдерживали длительной долбежки. Птицы вели себя вызывающе, смело набрасывались на шакалов, заставляя тех отступать в джунгли, а одна птичка на наших глазах ударом своего «томагавка» раскроила череп рослой гиене.

С большим трудом нам удалось разогнать эту компанию, но далеко падальщики не ушли, а роскошь стрелять по ним для остротки мы не могли себе позволить. От трупа броненосца уже шел сильный запах, да и не будь его, мы побоялись бы брать мясо на еду после гиен и шакалов. Но на мясо хорошо клевали водившиеся в озере крупные хищные рыбы, и нам хотелось взять с туши еще кое-что на приманку.

Самая большая птица вышла из зарослей и медленно двинулась прямо на нас, угрожающе помахивая клювом. Несколько других тут же последовали ее примеру. С другой стороны выстраивались боевым порядком гиены. Позади них отчаянно завывали шакалы, и мы вдруг засомневались, а стоит ли приманка того, что нам предстояло.

– А ну их всех к черту, – сказал Вася. – Сколько мяса уже развесили – в поселке просто не пройти. Останется там и на приманку, все не съедим, завоняет.

– Они сожрут броненосца и придут в поселок, – возразил Лысый. – Нет, ребята, надо задать им жару.

– Вот и пусть сперва наедятся, а потом жару зададим, – сказал я. – Сытые они легче отступят.

– Правильно, – поддержал меня Валера. – Пока туша здесь, мы их замучимся отгонять. А так заодно и чистоту наведут.

– Я все-таки чуток пугну их сейчас, – сказал Лысый, забирая у меня мачете. – Не нравятся мне эти птички. Надо хоть одной башку снести, чтоб остальные уважали.

Валера с Васей взяли наизготовку карабины. Лысый чуть сторбился, выставил перед собой мачете и пошел на птиц. Те и не подумали отступить.

– Вернись, дурень! – воззвал я.

– Лысенький, вернись, я тебя поцелую! – посулила Таня.

– И я тоже! – поддержала Даша.

– Да за что его целовать? – возмутился Вася.

– Ради его же блага! – пояснила Даша. – Мужчин надо беречь от необдуманных поступков.

– Нет, правда, Лысый, – сказала Машка. – Ну нафига это? Мы с тобой еще медовуху не пробовали!

Лысый в нерешительности остановился, и тут из джунглей донесся угрожающий раскатистый рев. Птицы дружно повернули головы в ту сторону. Гиены разбили строй и тоже завертели головами.

– А вот и мама! – сказал я. – Пришла искать сыночка.

В джунглях опять заревели, но глуше и сильнее. И ближе.

– И папа сюда идет, – добавил Валера. – Вам не кажется ребята, что нам надо срочно сваливать?

– Кончайте хохмить, – сказал Вася. – Вечно вы хохмите! Если это и мама с папой, то не те. Ревут точно так же, как тот зверь, что бродил тогда у обрыва.

Где-то совсем близко в лесу хрустели кусты и стучал друг о друга бамбук. Гиены с шакалами разбежались. Птицы, только что казавшиеся очень храбрыми, рванули следом. Мы спря-

тались за недостроенную изгородь, но такая защита тут же показалась нам ненадежной. Поймав Мартышку и прихватив ее с собой, мы забрались в заросли жгучей колючки за поселком, радуясь тому, что когда-то понаделали в ней ходов. Устроившись в одном из них так, чтоб хоть чуть-чуть было видно место возле туши броненосца, затаились и стали ждать.

В джунглях за изгородью трещало, шуршало и ухало. И вот в просветах между деревьев показались два похожих друг на друга монстра: один побольше, другой поменьше, но оба достаточно громадные, чтобы охотиться хоть на бронтозавров. Мощные задние лапы, поддерживающие массивные тела, могли бы при случае давить буйволов как козявок. Крупные угловатые головы сидели на толстых шеях. Длинные и мускулистые передние лапы украшали когти чуть не в полметра. Большой зверь взревел; тот, что поменьше, ему ответил, и оба принялись пожирать нашего броненосца. Утолив первый голод, они порвали тушу пополам, ухватили каждый свою часть передними лапами и направились в джунгли. В поселок звери так и не зашли, и мы, облегченно вздохнув, выбрались наружу.

От броненосца осталась только расплзшаяся по земле груда внутренностей. Вскоре к ней вернулись птицы и гиены. Выждав, когда они сожрали почти все и принялись драться друг с дружкой за остатки, мы с Лысым пальнули-таки картечью в толпу из обоих карабинов сразу. Падальщики разбежались, а мы добились подранков вручную и вывесили на изгороди трупы трех гиен, четырех птиц и одного шакала.

– Если не поможет, придется еще стрелять, – сказал я. – Особенно по этим, с «томагавками». Иначе они все наши припасы сожрут и нас задолбят.

- Пора луки делать, – сказал Лысый.
- Давно пора, – согласился я.
- И двери на хижины надо поставить.
- Обязательно.

Глава 5

Мы давно хотели сделать луки, да времени не находилось. Я считал, что нам необходимо срочно осваивать альтернативные методы стрельбы по животным, пока еще есть патроны к карабинам.

– Потом поздно будет, – убеждал всех я. – При стрельбе из лука нужные навыки нарабатываются месяцами и годами.

– Кончатся патроны – опять у нас будет провал в плане жратвы, – поддерживал меня Лысый.

– Да и вообще – надо учиться добывать огонь, пока зажигалки работают, рыбу острогами бить, пока снасти целы, – говорил я. – Или крючки из кости точить, что ли... Рано или поздно уйдут ведь все заводские крючки и всю леску порвем.

Остальные с нами охотно соглашались, но дальше планов дело не шло. Все наши силы уходили на добычу продовольствия, минимальное благоустройство хижин и постройку изгороди. И вот теперь настал удачный момент, пока мяса много заготовили.

– Луки так луки, – сказал Валера. – Давайте думать, из чего.

Мы с Лысым давно присмотрели подходящий кустарник с гибкими и упругими ветками, а Вася хотел попробовать сделать лук из корней – где-то он о таком способе слышал. В итоге у него ничего не получилось, но ковыряясь в земле на одной из старых вырубков, где мы брали колючку для изгороди, он неожиданно открыл весьма полезное свойство этого растения: на глубине около метра его корни кончались не то большими земляными орехами, не то клубнями в очень прочной коже. В горячей золе эта кожа быстро высыхала и лопалась, а клубни в печеном виде оказались на вкус просто великолепны. Васин триумф испортило лишь одно обстоятельство: проще было бы выкопать целое колхозное поле картошки, чем добыть клубней колючки на ужин для нашей компании.

Луки, изготавливаемые из кустов, оказались хороши всем, но слишком быстро высыхали. Приходилось постоянно смачивать их водой, пока Валера не придумал обматывать дуги полосками кожзаменителя с автомобильных сидений. Лысый при помощи молотка и зубила наделал из кузовной стали конусных наконечников для стрел, и теперь все мы, не исключая девчонок, ежедневно часами упражнялись в стрельбе по вязанкам тростника.

Птицы с клювами-томагавками, запомнив место, где есть еда, периодически проникали в поселок то с одной, то с другой стороны; иногда наведывались гиены с шакалами. От наших не слишком метко пущенных стрел они легко уклонялись. Изгородь доделывалась ударными темпами, но была еще далека от завершения, и мы построили для припасов большой и высокий сарайчик из бамбука. Все мясо развесили под потолком, а на земляном полу иногда разводили костерок для обкуривания содержимого сарайчика дымом. Давно уже заметили: как ни копти и ни просушивай мясо и рыбу, без таких процедур они начинали плесневеть уже на вторую неделю. Птицы пробирались к сарайчику, долбили в стены и дверь своими клювами. Гиены обнаглели настолько, что однажды напали на Дашу. Жертву они выбрали неудачно: Даша завопила на все джунгли и расстреляла нападавших из газового пистолета. Правда, после этого к пистолету не осталось патронов, но зато гиены теперь в панике разбегались от одного звука Дашиного голоса.

Лысый вырезал крупнокалиберные рогатки для стрельбы тяжелыми предметами и пустил на них остатки нашего единственного подходящего жгута. Не удовольствовавшись болтами, обломками костей и шестеренками из коробок передач, Лысый наделал для рогаток еще целую грудку маленьких глиняных ядер. Он сушил их на солнце и обжигал в костре; логичным продолжением нашей первобытной милитаризации стало изготовление пращей из ремней безопасности и больших ядер для них. Вскоре попадать в цель из луков мы стали чаще, чем мазать, а

Вася превратился в чемпиона поселка по стрельбе из пращи. Когда число трупов на изгороди перевалило за три десятка, падальщики оставили нас в покое и отправились искать добычу полегче.

Еще дважды в поселок напоздали анаконды, но обоим удалось убить без потерь с нашей стороны. Мы разведали все ближние протоки на болоте, а когда стали плавать в дальние, в них обнаружилось слабое течение. Наверно, где-то дальше действительно текла река, а болото было ее окраиной, как мы и решили с самого начала.

Однажды, забравшись на лодках особенно далеко, мы с Лысым нашли на одном из островков почти развалившуюся скалу из песчаника.

– Камни! – заорал Лысый, прыгая возле скалы с таким видом, словно наткнулся на нечто среднее между Клондайком и копиями Кимберли. – Кузня, Серега! У нас будет кузня!

На радостях он так нагрузил камнями обе лодки, что на обратном пути мы едва не пошли ко дну. Потом Вася с Валерой сделали к островку еще несколько рейсов. Печку Лысый сложил монументальную. Стенки, чтоб не развалились, он делал в полметра толщиной, а сверху выложил свод. Труба получилась конической, одного и того же диаметра в ней был только дымоход. Глядя на эту стройку века, мы стали понимать, почему Лысый не захотел в свое время попробовать сделать печь из одной глины: она бы у него не простояла до первого разведения огня. А эта стояла, и ее удалось растопить, причем сразу, как только она просохла. От критики печки мы воздержались – никто из нас не сложил бы и такую. Но когда дошло до шитья мехов, девчонки забастовали.

– Пока не сделаешь нам иголки, Лысый, мехов тебе не видать, – сказала Даша. – Ты сколько раз обещал! Сколько ждать можно?

– Я вам делал уже иголки!

– Те, что ты из проволоки накрутил? Они никуда не годятся! Во-первых, гнутся. Во-вторых, скрутки на них за все цепляются. У тебя три машины, блин! В них что – проволоки нормальной нет?

– Да я...

– Молчи! В машинах есть проволока. И в них еще много всяких разных тонких железачек. Которые можно накалить, вытянуть, заострить. И пробить дырочки, чтоб ушко получилось!

– А я вам чем так аккуратно пробью?

– Это твои проблемы! – отрезала Даша.

– И смотри, иголки должны быть всякими разными: тонкими, толстыми, длинными и короткими, – добавила Таня. – И их должно быть много!

– С какой цифры начинается «много»? – осведомился Лысый.

– Ты давай от темы не уходи! Мы тебе скажем, когда хватит.

– Э, нет, так не пойдет!

– Еще как пойдет. Пока не будет иголок – не будет мехов.

– Может, вам еще швейную машинку собрать?

– А что? Хорошая мысль! Тань, нам ведь швейная машинка не помешает?

Лысый сделал робкую попытку убедить девчонок, что для изготовления хороших иголок как раз и надо шить сперва мехи, но они ему не поверили. Вернувшаяся с рыбалки Машка, уловив краем уха конец разговора и мало что разобрав, сказала: «Нет, правда, собери им швейную машинку, Лысый, раз можешь», – и наш кузнец поспешно убрался к своей печке, окрестности которой напоминали автомобильную свалку.

Он просидел там два дня, иголки девчонкам сделал, а взамен получил мехи и приступил к ковке мачете из рессор. Получившийся инструмент не слишком хорошо держал заточку, особенно на рубке колючки, но на многое мы и не рассчитывали. Лысый теперь почти безвылазно торчал в кузне, над которой мы построили большой односкатный навес. При необходи-

мости ему помогал кто-то, кто находился на текущий момент в лагере и был не слишком занят. Вскоре у нас уже были и хорошие наконечники для стрел, и железные остроги для добычи крупной рыбы, и трезубцы для того же самого.

Помимо выполнения чисто кузнечных работ, Лысый еще наделал на всех отличных сандалий из покрывшек. Обувь до сих пор кое-как держалась только у меня и у него, потому что у нас были самые лучшие ботинки. Кроссовки девчонок истрепались в хлам, Валера с Васей давно стягивали ботинки проволокой. Несмотря на страх перед змеями, каждая из которых могла оказаться ядовитой и которых вокруг ползало много, мы с удовольствием переобулись, только Машка отказалась. У нее были резиновые сапоги, совершенно неубиваемые, но с большим недостатком: ноги в них страшно потели, и уже через пару часов после подъема Машка начинала хлюпать и чавкать при каждом шаге, что всех невероятно раздражало. Мы уже совсем было собрались устроить над ней суд и переобуть в сандалии насильно, однако положение вскоре разрешилось само по себе.

Хлебнув на ночь бражки, чтоб лучше спалось, Машка поставила сапоги на просушку слишком близко от костра. Когда пришло время первой смены часовых, заступавший на дежурство Вася заметил, что костер слишком ярок. Подойдя ближе, он обнаружил, что Машкины сапоги весело пылают во мраке и уже сгорели почти до подошв. Машка утром обвиняла Валеру, стоявшего на часах перед Васей, что он специально пододвинул сапоги к костру, но доказать ничего не смогла.

Мы достроили изгородь, закрывшись наглухо со всех сторон, однако укреплять ее не перестали, твердо вознамерившись довести первоначальный хлипкий заборчик до состояния крепостной стены. Лысый, покончив с ковкой мачете, которые теперь были у всех, и прочими мелкими делами, приступил к изготовлению двух больших арбалетов, на которые пошли целиком самые длинные рессорные полосы. Тетивы он сделал из тросиков ручных тормозов. Рычажные механизмы растягивали эти тетивы довольно-таки легко и шустро – оружие получилось мощным, скорострельным и точным. Стрелы для него вышли размером с короткие копыя. Беглой стрельбой из обоих арбалетов сразу можно было, пожалуй, остановить броненосца покрупнее того, что мы уже убили. Правда, поселок оставался беззащитным против гигантских хищников, но мы утешали себя тем, что вряд ли они станут специально охотиться на столь мелкую добычу, как люди.

Арбалеты установили на построенных для них вышках, прикрыв самые уязвимые места изгороди. Мы до сих пор не знали, водятся ли в лесу опасные хищники, живущие на деревьях. Впрочем, против такой опасности мы тоже не могли защититься – свалить все деревья, с ветвей которых звери могли прыгнуть прямо в поселок, оказалось бы нам не под силу. Да и заниматься этим нужно было до строительства хижин и прочего, а не теперь.

С каждой неделей нам приходилось добираться до болота все дальше. Оно отступало, и вскоре мы догадались, что попали в джунгли сразу после сезона дождей.

– Вот и хорошо, – сказал Вася, когда нам в очередной раз пришлось протащить лодки до воды лишних двадцать метров. – В следующий сезон поселок точно не зальет.

– Жаль только, что это случится не благодаря нашей предусмотрительности, – сказал я. – Насколько помню, когда мы сюда пришли, никто о таких мелочах не думал.

– Себе всегда прощай! – наставительно сказал Вася, поднимая вверх указательный палец.

– Ага, – согласился я. – Особенно часто нам предстоит прощать себе косяк с выбором места, если следующий сезон окажется дождливее предыдущего и поселок все же зальет. Придется ввести обычай ежедневного отпуска грехов. А то все передеремся, выясняя, кто виноват.

Мои опасения, как оказалось, имели под собой серьезные основания. Спихватившись, мы стали внимательнее и обнаружили еле заметные следы от старых паводков в двух и в трех километрах за нашей изгородью. Кроме того, торопясь построить хижины, мы не просушивали

бамбук, и теперь в нем завелись древоточцы. Стоило задеть стену или косяк на входе плечом, как сверху сыпалась труха. Впрочем, понемногу она сыпалась всегда, и мы гадали, сколько еще простоят наши избушки. А еще в поселке развелось невероятно много грызунов, похожих на крыс и мышей. Блохи, живущие на них, охотно кусали нас, а мы не знали, как избавиться от насекомых и их хозяев, и обезопасить себя от заразы, которую те и другие могли переносить. Мыши ловко взбирались по стенам нашего сарайчика с припасами и прыгали с потолка на подвешенную под ним рыбу. Крысы так обнаглели, что бродили между хижин даже среди дня. После нескольких серьезных обсуждений мы сошлись на том, что переезд неизбежен, и что вместо одного поселка лучше иметь два лагеря: базовый, с кузней и запасами железа от машин, и походный, который следует время от времени переносить на новое место во избежание антисанитарии. Однако мы никак не могли затеять обустройство базового лагеря теперь же и посвятили себя строительству плотов, чтобы в случае затопления спасти наше имущество и пережить сезон дождей на воде. Плоты нам все равно были необходимы: в протоках оказалось столько скрытых водой коряг, что ремкомплекты к лодкам быстро закончились, и те пришли в негодность.

Во время рыбалки мы несколько раз натыкались на плавающие в протоках деревья, чьи стволы не погружались в воду и наполовину. Теперь мы специально выискивали их, подтаскивали к островкам, обрубали ветки и буксировали бревна к берегу напротив поселка. Девчонки плели из волокон лиан бесконечные веревки и веревочки, которых требовалось много. Вскоре материал для первого плота был заготовлен. Затеять строительство на воде мы не отважились из-за кишящих в ней пиявок, но и вытаскивать бревна тоже не стали, дождавшись, пока они окажутся на суше сами по себе. Точнее, бревна оказались в грязи, которую оставила на берегу отступавшая вода. И, конечно, в этой грязи тоже оказалось полно пиявок. Пришлось еще подождать, пока она подсохнет, а потом выковыривать бревна из нее.

Деревья для второго плота решили искать на берегу – с тем расчетом, чтобы потом наш плот поднял паводок. Искали долго, так как плавучие деревья почему-то не любили расти друг возле друга, а таскать на себе пусть даже не слишком тяжелые бревна никто не стремился. Наконец мы нашли небольшую рожицу в подходящем месте, свалили деревья и приступили к строительству самих плотов.

Среднее бревно для каждого вырубалось по двенадцать метров. По бокам шли бревна короче, потом еще короче, чтоб нос получался остроконечным. Между телом плотов и самыми крайними бревнами оставили небольшие просветы для килей, которые можно было бы вытаскивать. Сверху уложили поперечины, а по ним пустили помосты из бамбука. Кроме рулевых весел заготовили по два боковых и по четыре шеста. Посредине плотов, ближе к корме, построили легкие хижины, скорее навесы, и уложили под ними большие плоские камни для разведения костров. На носках закрепили треножки для арбалетов. Сектор обстрела без поворота плотов получался градусов двести. Задрал арбалеты вверх, мы могли пускать стрелы хоть по верхушкам деревьев, а опустив вниз – в воду.

– Красота! – восхитилась Машка, когда первый плот оказался полностью готов.

– Мы молодцы, – согласился я. – Кое-чему научились.

– А давайте потом вместо главного лагеря устроим плавбазу! – предложил Лысый. – Перенесем кузню на нее...

– Под весом твоей печки авианосец утонет, – оборвал его Валера. – И это еще неизвестно, как оно получится – жить всегда на воде.

После окончания строительства плотов я убил на охоте большую обезьяну, смутно напоминавшую человека: я выслеживал диких свиней, и полутораметровый питекантроп вышел из кустов прямо на меня. Он испугался, я тоже, но у него не было карабина, а у меня был, и я выстрелил – прежде чем успел подумать, а надо ли. Питекантроп свалился замертво. У него

были большие круглые уши, низкий лоб, длинные руки и серая кожа, покрытая редкой шерстью, а местами голая. Ввалив тело на плечо, я притащил его в поселок.

– Ходил он на двух ногах, – сказал я, когда все наши осмотрели труп. – Держался почти ровно. Руки – сами видите, как человеческие. Даже не знаю, стоит ли нам его есть.

– Да, что-то сомнительно на счет него, – сказал Вася. – Вдруг брат по разуму?

– А другие там были? – спросила Таня.

– Я сразу сказал бы. Нет, один он был.

– Не говорил ничего?

– Когда б он успел? Если и умел говорить, ничего не сказал.

– Ну его, – сказала Даша. – Не буду я такого есть. Давайте его лучше похороним.

На этом и сошлись. Так как наступал вечер, похороны отложили до утра, оставив труп рядом с кузней. А утром к нам в поселок прискакали по деревьям штук пятнадцать таких же питекантропов разных размеров, расселись по ветвям над лагерем, а самый большой спрыгнул вниз и встал в угрожающей позе у тела сородича. Валера с Васей сняли карабины с предохранителей, разошлись в стороны и взяли вожака на прицел. Мы с Лысым вышли вперед, надеясь установить контакт. Даша с Машкой взобрались на вышки и навели на остальных обезьян арбалеты. Таня натянула лук.

Вожак оказался крупным – ростом под метр девяносто, и весил, наверное, килограмм сто пятьдесят. Лысый хотел с ним заговорить – питекантроп в ответ яростно заухал, огляделся вокруг, подхватил с земли коленвал от уазика и кинулся на Лысого. Тот отступил в сторону и сделал подножку. Вожак покатился по земле, вскочил, и бросился теперь уже на меня, всю размахивая коленвалом. Я уклонился и врезал ему в челюсть. Лысый подскочил сбоку и врезал ему в ухо. Питекантроп, несмотря на свои габариты, беспомощно свалился на землю и долго барахтался среди запчастей. Наблюдавшие с деревьев за дракой обезьяны загалдели и возбужденно запрыгали по веткам.

Вожак встал, посмотрел на своих болельщиков, поднял коленвал и упрямо двинулся на нас. Как следует драться он явно не мог – ударил Лысого, но промахнулся, а тот дал ему под дых, пнул по колену, треснул по носу и опять свалил на землю. Видя, что питекантроп все же собирается снова встать, я решил, что надо с ним заканчивать, взял валявшийся у печки глушитель от «Шевроле-Нивы» и шарахнул вождя обезьян по затылку. Глушитель загудел, вождь шлепнулся на задницу, да так и остался сидеть, ошалело крутя головой и шатаясь из стороны в сторону.

– Не умеешь владеть коленвалом, – сказал ему Лысый. – А туда же – разборки устраивать.

– Вот уж точно, – подтвердила Машка. – Вали отсюда, лопухий!

– Не хотел я твоего соплеменника убивать, – сказал я. – Честное слово. Давай мириться?

– А не захочешь мириться – еще получишь! – пообещал Лысый.

– Ой, только железяками его больше не бейте! – взмолилась Таня. – Вдруг он тоже умрет!

– Глушитель мягкий для такой головы, – успокоил ее я. – Ничего этому гамадрилу не будет.

Вожак, немного придя в себя, с трудом встал и хмуро уставился на нас. Нападать он больше не решался. Постоял так, глухо ухнул и тяжело полез на дерево, цепляясь пальцами за выступы в коре. Обезьяны наверху разочарованно загалдели, окружили своего предводителя, когда он к ним поднялся, долго его утешали, похлопывая лапами по плечам и спине, а затем все стадо двинулось по веткам в джунгли.

– Вряд ли они нам братья по разуму сейчас, – сказал Валера. – Но в будущем – возможно, почему бы нет.

– А ну как налетят ночью? – предположила Машка.

– Не налетят, – ответил я. – Что им мешало сейчас напасть всем скопом? Ты же видела, какие они. Их вожак, скорее всего, единственный взрослый самец в стаде, а остальные – его жены и детишки.

Ливни следовали один за другим все чаще, и вскоре без них не обходилось ни дня. Уровень воды в болоте перестал падать и начал повышаться. Однажды утром Вася, добывавший последнее дежурство, всех разбудил. Мартышка носилась между хижин туда-сюда, жалобно повизгивая. Изгородь со стороны болота почернела и шевелилась: ее тщательнейшим образом обследовали тысячи крупных муравьев. Они водопадом лились в поселок, покрывая землю живым одеялом, а за изгородью вообще все было черно: муравьи успели окружить нас полукольцом.

– Вторжение, блин! – сказал Вася.

– Да уж мы видим.

Спешно похватав то, что муравьи могли съесть или испортить, мы ушли в лес под визг мышей и крыс, пожираемых заживо в собственных норах. Нашествие длилось полдня, после чего муравьи начали вытягиваться из поселка в лес длинной колонной. Когда они ушли, только валявшиеся кое-где скелетики свидетельствовали о том, что в поселке жил еще кто-то, кроме нас. Не пищали мыши, спасавшиеся от мелких шустрей змей, и не шипели сами змеи. Затихли квартировавшие в изгороди добродушные ужи и маленькие злые ежики. Не шуршали жуки в толстом слое лопухов на крышах хижин, не бегали по стенам охотящиеся за мухами ящерицы. Прекратилось даже тихое скрежетание древоотцов внутри стен, столбов и стропил.

– Вот это зачистка, я понимаю, – протянул Вася.

– Это не зачистка, это геноцид, – сказала Таня.

– Надо бы научиться приглашать муравьев в гости регулярно, – сказала Даша.

– Сами придут, – успокоил ее я. – Главное – нам их вовремя заметить. Не то искусают так, что неделю не заснешь.

Вскоре паводок поднял наши плоты. Ходить по протокам на них было тяжелее, чем на лодках, зато они оказались комфортнее во всех остальных отношениях. А главное – с плотов было удобно бить острогами крупную рыбу. Однако чем дольше продолжались дожди, тем меньше становилось рыбы. До поселка вода не дошла, но вытопанная земля внутри изгороди превратилась в грязь, в которой ноги вязли по щиколотку. Иногда ливень заряжал на несколько дней подряд, а один раз лило без остановки целый месяц. Крыши хижин периодически начинали протекать, и их приходилось ремонтировать. Печка Лысого раскисла и у нее обрушился свод. Дичь попряталась, зато в джунглях невероятно расплодилось пиявки. Стоило войти в кусты или бамбучник, как они облепляли тебя всего. Пиявки, что водяные, что сухопутные, и раньше нам изрядно досаждали, теперь же превратились в настоящее бедствие.

От постоянной сырости любая царапина начинала гноиться; мы с ног до головы покрылись цыпками и какими-то язвочками. Раньше, даже когда наши бритвы затупились до состояния убитых дроблением угля деревенских колунов, мы еще умудрялись поскоблить физиономии моим ножом, который после правильной заточки вполне для этого годился. Ну а теперь мужская часть населения поселка буйно зарастала бородами, потому что бриться стало невозможно из-за постоянного раздражения на коже.

Птицы куда-то пропали, охота не шла, в джунглях во время дождей поспеивал лишь один вид плодов. Мы копали клубни жгучей колючки и собирали лягушек, численность которых, к счастью, только возросла. Изредка нам удавалось подстрелить большую водяную крысу или обезьяну, а попадись нам еще раз будущие братья по разуму, пожалуй, мы теперь не побрезговали бы кем-нибудь из них. Все отощали, поникли, оптимизм сохраняла только Мартышка.

Одежда быстро изнашивалась, прела и рвалась. Девчонки перешивали все, что можно, на шорты и жилеты, чтоб мы могли хоть как-то прикрыть наготу. Холодные дни и, особенно, ночи, стали не редкостью, а правилом. Спасаясь от холода, мы учились плести циновки, кото-

рые использовали вместо одеял и накидок, и вскоре достигли в этом деле высокого профессионализма.

К концу сезона дождей серьезно заболел Вася. Неделю он еще ходил, а потом только лежал, лишь изредка вставая. Его трясло, а тело покрыли черные струпья, которые рвались и гноились. Мы не знали, заразная у Васи болезнь или нет, поэтому построили для него отдельную хижину, куда носили пищу. Сперва Вася бодрился и говорил, что вот-вот поправится, но дни проходили за днями, а ему становилось лишь хуже. Нам посчастливилось убить еще одну анаконду, больше всех предыдущих, и мы могли его хорошо кормить, но Вася не выздоравливал. Однажды, когда я принес ему обед, он уже и голову от подстилки приподнять не смог.

– Не буду я больше есть, – сказал он. – Не хочу – и бесполезно. Слышь, Серега... Если так получится, что вам когда-нибудь удастся вернуться обратно на Землю... Ты навести моих, ладно? Только не говори им, как я умер. Наври чего сам придумаешь. Ребятишки у меня замечательные, вот увидишь...

Через три дня Васи не стало. Мы похоронили его за оградой поселка, с трудом выкопав могилу – ее все время заливало водой и грязью. Постояли немного под ливнем, да и вернулись к своим обычным делам, ничего не говоря друг другу. Собственно, нам следовало бы радоваться: дождливый сезон заканчивался, солнечные дни выдавались все чаще. Прошел почти год, как мы всемером оказались на дикой планете, и за этот немалый срок погиб только один человек. Но в том-то и штука, что это был один из нас, и каждый чувствовал себя так, словно у него отгрызли часть тела.

Глава 6

Джунгли медленно пробуждались от своего долгого мокрого сна, наполненного дождями и туманом. Вместе с ними оживали мы. Рыба все еще держалась у дна, где на залитой водой земле для нее было много корма, и ловилась лишь на закидушки, да и то неохотно. Однако теперь в лесу появились самые разные птицы, охотившиеся на расплодившихся лягушек, а мы, естественно, открыли охоту на птиц. По берегам болота рылись в грязи многочисленные свиньи, и скоро мы истратили на них все патроны. Зато в нашем сарайчике для припасов снова висели под потолком полоски вяленого мяса.

Земля в поселке просохла и перестала напоминать трясины. Лысый поспешно восстановил свою печку и вырыл в земле яму для приготовления древесного угля. С углем ковать лучше будет, сказал он, вот нажгу запас, вы у меня увидите!.. Какие чудеса кузнечного мастерства мы увидим, он из осторожности уточнять не стал.

Поглядев на яму Лысого, я задался вопросом: а почему мы до сих пор не роем ловушки на звериных тропах? Никто ответить мне не смог, зато все согласились, что да, рыть надо. Машка тут же развила мою мысль, предложив устраивать ловушки на вырубках колючки, где мы добывали клубни и куда вслед за нами обязательно приходили свиньи. Они беззастенчиво пользовались результатами наших трудов после того, как мы прорубали переплетение корней наверху и добирались до клубней. Теперь пришла пора получить со свиней компенсацию. Вскоре мяса у нас оказалось просто завалилось, мы в очередной раз ограбили знакомое пчелиное дупло, Машка наставила медовухи, которая у нее получалась куда приятнее мерзкой бурды из фруктов, и было решено отпраздновать условную годовщину нашей жизни на планете. А кроме того, помянуть Васю как полагается, раз мы не сделали этого сразу.

В день запланированного пира Валера с утра отправился проверять ловушки, но почти тут же прибежал обратно невероятно возбужденный и с вытаращенными глазами.

– Там люди! – доложил он срывающимся голосом, когда мы все к нему сбежались. – В лесу люди, ребята!

– Кто?.. – недоуменно переспросила Таня, совершенно отвыкшая от мысли, что по лесу могут ходить какие-то люди, кроме нас. Скажи Валера, что встретил гоблинов с эльфами, она бы так не удивилась.

– Люди! – повторил он. – Их трое. Идут сюда по нашей старой дороге от обрыва.

Меня прохватила такая дрожь, что аж затрясло всего. Остальных тоже.

– Видно, дыра опять открылась, – сказал Лысый, нервно теребя свою курчавую бородку.

– Вряд ли, – возразил Валера. – Они здесь давно, по ним сразу заметно.

– Пойдем встречать? – спросила Даша с сомнением.

– Зачем, раз они идут к поселку, – сказал я. – Наверно, нашли нашу надпись. От обрыва сюда на каждом дереве зарубки.

– Они уже на подходе, близко, вот-вот!.. – подтвердил Валера.

На всякий случай мы вооружились, не зная, чего ждать от незнакомцев, но на вышки к арбалетам все же не полезли, а вышли за изгородь. Чужаки выбрались из зарослей и остановились: чернявый человечек среднего роста и неопределенного возраста, красивая светлорослая женщина и крепкий мужик, подстать Лысому, только выше. Все трое – в поношенных камуфляжных брюках и жилетах, с рюкзаками, а мужик сжимал в руках охотничий карабин. Даже издали было видно, что снаряжение у странников дорогое и отменного качества. Они и мы стояли так минуту, а потом все как-то сразу поняли: напротив – не враги. Женщина пошла к нам, а я бросил лук и пошел навстречу. Мы все прибавляли шагу, пока не бросились бегом; остальные тоже побежали, и вскоре уже тискали друг дружку в объятьях, не разбираясь, где свои, где чужие, плакали и обменивались нечленораздельными возгласами, забыв, что

можно общаться с помощью слов. Когда первые восторги немного поутихли, а это случилось нескоро, мы затащили пришельцев в поселок и стали знакомиться.

Чернявого человечка звали Борис Эпштейн. На Земле он когда-то был видным ученым и разрабатывал темы, важность которых для науки могли оценить лишь мэтры теоретической физики, да еще он сам. Профессиональные изыскания привели Эпштейна к выводу о существовании хоулов – дыр, подобных той, через которую мы попали сюда год назад. Расчеты показывали, что хоулы могут быть двух видов: нестабильные и стабильные. Дальнейшее исследование вопроса неожиданно завело Эпштейна в сомнительные лабиринты мифологии, но он не остановился и вскоре безвозвратно сгубил свою репутацию в научном мире. После этого он не остановился тоже и сосредоточился на поисках реально существующих хоулов. Их наличием он объяснял присутствие в преданиях народов Земли множества сказочных персонажей необычного вида и непонятного происхождения. По мнению Эпштейна, они были вовсе не плодом воображения землян, а реальными существами, попадавшими время от времени на нашу планету через хоулы из других миров.

– В какой-то момент я убедился, что хоулы неоднократно связывали миры с похожими свойствами, – объяснял он нам. – В такие периоды на Земле начинались эпидемии, которые быстро распространялись среди людей и против которых не находилось лекарств. Вспомните хотя бы эпидемию Черной смерти в средневековой Европе. Одновременно с этими событиями исследователями обычно отмечается всплеск нового мифотворчества и возрождение старых мифов и легенд, хотя традиционно это объясняют другими причинами: общим падением культуры и ростом суеверий.

Говорил Эпштейн тихо и вкрадчиво, словно боялся ненароком кого обидеть. Выглядел здоровым и уверенным. Слова его звучали убедительно. Однако научное сообщество заочно похоронило бывшего физика-теоретика за такие предположения еще несколько лет назад.

– Не исключено, что массовые вымирания животных, случавшиеся в далеком прошлом Земли, например, вымирание динозавров, также были связаны с воздействием чужих экосистем на нашу, – продолжал Эпштейн. – Однако одновременно экосистемы разных планет и адаптировались бы друг к другу, приспособливались – понимаете? И если взаимное влияние началось в те времена, когда на Земле и связанных с ней планетах жили только микроорганизмы или вообще не было жизни, экосистемы этих планет не могли эволюционировать во что-то, абсолютно чуждое друг другу. Они должны быть во многом родственны. Что косвенно подтвердилось, когда мы сюда попали. Будь мы совершенно чужие здесь, не смогли бы питаться местной пищей. Но я и раньше был убежден в правильности моих выводов, хотя и не мог ничего доказать. Лишь обнаружение хоулов подтвердило бы мою правоту. Но самое главное, это открыло бы широчайшие возможности для путешествий в другие миры без затрат на дальние космические полеты, которые пока только в проектах. И не менее широкие возможности для колонизации множества планет без затрат на их терраформирование.

Отчаявшись найти понимание у коллег, Эпштейн обратился к любителям таинственного и непознанного.

Здоровяк Витя был геологом, увлекавшимся уфологией. Потом пошел в бизнес и заработал миллионы, но к уфологии не остыл. Идеи Эпштейна он воспринял с энтузиазмом, и они пять лет подряд выезжали на природу в разные страны. Два года назад к ним присоединилась светловолосая красавица Инга. И вот наконец команде охотников за хоулами повезло. Или не повезло – это уж как посмотреть. Троица оказалась здесь за три месяца до нас, в разгар сезона дождей, и выжила только благодаря смекалке и охотничьей сноровке Вити, а также необычным талантам Инги, умевшей каким-то внутренним чутьем определять съедобные растения.

– Она либер, – сказал Витя. – Надеемся, ребята, вы ничего не имеете против либеров.

Я, Лысый и Машка остались спокойны. Валера, Таня и Даша заметно напряглись.

– Нет, ничего не имеем, – ответил я за всех, хотя смысла в этом не было. Если Инга либер, она сама уже знает, кто имеет, а кто нет.

– А правда, что вы можете читать мысли? – осторожно спросила Даша.

Инга грустно улыбнулась.

– Не можем. Мы просто чувствительны к информационным потокам. Да и в этом не уникальны. Просто разбираемся в них лучше, чем остальные. Человечество никак не хочет признать, что информация – так же реальная субстанция, как материя и энергия. Мы пытались объяснить людям, кто мы такие, как делаем то, что делаем, и откуда взялись наши способности. Но нас не захотели слушать.

Да, подумал я, а ведь могли бы узнать много нового. В том числе и о себе самих. Но вместо этого либеров стали истреблять, объявив опасными выродками, стремящимися подорвать основы цивилизации. «Выпусти либеру ливер»... У нас в области самым известным случаем было убийство шести человек в Михайловском лесу. Их распяли на столбах заброшенной линии электропередач, откуда давно сняли все провода. Внизу развели костры. Преступников не нашли, да и не очень искали. Страшное это дело: преследование неугодных с молчаливого одобрения властей.

Появление либеров напрямую связывали с массовым распространением вживляемых в мозг компьютерных имплантатов. По крайней мере использование и производство последних строжайшим образом запретили во всех странах одновременно с началом гонений – не считаясь ни со страшным ущербом глобальной экономике, ни с общественным мнением, ни с чем. Мир еще не знал такого единодушия ни по одному вопросу; средства массовой информации перешли от бешеной рекламы имплантатов к расписыванию ужасов их применения так слаженно и быстро, что пропагандистская машина Геббельса в сравнении с этим показалась бы медлительной и страдающей излишним плюрализмом мнений. Технология из надежнейшей, всесторонне проверенной и крайне полезной для общества моментально превратилась в потенциально опасную, не прошедшую серьезных испытаний и открывающую безграничные возможности для манипулирования людьми. Носителей имплантатов обязали удалить их в обязательном порядке в течение года, попутно внушая гражданам идею, что наличие имплантата в голове равносильно хранению ржавой ядерной бомбы у себя под кроватью. Что же до либеров, на них обрушился такой шквал противоречивых, но одинаково негативных экспертных оценок, что вскоре даже вдумчивым людям оказалось абсолютно невозможно разобраться, чем же бедняги так не угодили правительствам, причем всем сразу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.